

На правах рукописи

Кюршунова

Кюршунова Ирина Алексеевна

**ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОНИМИЯ КАРЕЛИИ
В НОВЫХ ПАРАДИГМАХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО
ЗНАНИЯ**

Специальность 10.02.01 — русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Вологда
2017

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Петрозаводский государственный университет»

Официальные оппоненты:

Супрун Василий Иванович,

доктор филологических наук, профессор, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный социально-педагогический университет», кафедра русского языка и методики его преподавания, профессор;

Леонтьева Татьяна Валерьевна,

доктор филологических наук, доцент, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный профессионально-педагогический университет», кафедра русского и иностранных языков, профессор;

Сироткина Татьяна Александровна,

доктор филологических наук, доцент, Бюджетное учреждение высшего образования Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Сургутский государственный педагогический университет», кафедра филологического образования и журналистики, доцент.

Ведущая организация

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина».

Защита состоится 10 октября 2017 г. в _____ на заседании диссертационного совета Д 999.014.03 на базе Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Вологодский государственный университет», Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина», Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Череповецкий государственный университет» по адресу: 160000, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15, ауд. 240

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке (г. Вологда, ул. С. Орлова, д. 6) и на сайте Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Вологодский государственный университет» (<http://vogu35.ru>)

Материалы по защите диссертации размещены на официальном сайте ВоГУ <http://www.vogu35.ru>

Автореферат разослан «___» _____ 2017 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Л. Ю. Зорина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ¹

Актуальность исследования. Диссертация посвящена анализу индивидуальных номинаций человека с позиций новых взаимосвязанных подходов, осуществляемых при изучении языковых единиц и явлений — когнитивно-антропоцентрического, этнолингвистического, аксиологического. Обращение к изысканиям В. фон Гумбольдта, А. А. Потебни, Э. Бенвениста, Ф. И. Буслаева, А. Н. Афанасьева, А. Ф. Лосева, П. Флоренского и др., имеющим антропоцентрическую направленность (человек признается центром познания), а также к разработкам Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, Е. Бартминьского, Е. Л. Березович, А. А. Вежицкой, Т. И. Вендиной, И. Т. Вепревой, А. С. Герда, М. В. Голомидовой, А. В. Гуры, И. И. Ивина, А. Ф. Журавлева, Ю. Н. Караулова, В. В. Колесова, Е. С. Кубряковой, Дж. Лаккоффа, Т. В. Маркеловой, В. А. Масловой, З. Д. Поповой, Е. В. Рахилиной, М. Э. Рут, Б. А. Серебренникова, Ю. С. Степанова, И. А. Стернина, В. Н. Телии, Н. И. Толстого, С. М. Толстой, Е. В. Урысон, В. Н. Шаховского, А. Д. Шмелева и др., доказавшим, что в различных языковых фактах содержатся фрагменты не только лингвистического, но и этнокультурного, когнитивного, мировоззренческого, социального опыта человека и общества, позволило предположить, что антропонимы могут являться составной частью такого полипарадигмального изучения. Поскольку антропонимия наиболее тесно соприкасается с человеком, это придает работе актуальность. Важно и то, что для исследования впервые избирается антропонимический материал периферийного региона Северной Руси, который ставится в контекст новых научных направлений. Уникальным в данном плане является не только отдаленность Карелии, позволившая сохраниться здесь архаическим элементам, переплетавшимся с новыми ономастическими тенденциями эпохи, но и этнический колорит края, обусловленный историей его заселения и особенностями отношений между его постоянными этническими насельниками, а также пограничное положение региона между востоком и западом. Интерес вызывает и время функционирования антропонимов — XV—XVII вв., которое также практически не затрагивается для целей подобного исследования. Все это влияло на то, что антропонимическая система становится особым культурным маркером, этноисторическим знаком, отражавшим не только социально-политическую жизнь общества Русского Севера XV—XVII вв., но и духовный мир, идеалы человека далекого прошлого.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности № 33.1162.2014/К «Традиционное общество как фактор стабильности в полиэтничном приграничном регионе: Карелия в XVII — начале XX века».

Теоретико-методологическую базу работы составляют научные изыскания, в которых представлены взаимоотношение язык ↔ культура, духовный мир человека, система ценностей; 2) сущность ономастической (уже антропонимической) лексики; 3) взаимодействие этносов на уровне апеллятивной и ономастической лексики; 4) описание истории Карелии и Руси изучаемого периода; 5) труды по ономастике (в том числе по ономастике Карелии).

Объект исследования — антропонимические единицы (некалендарные и календарные личные имена, прозвища и образования от них), зафиксированные в делопроизводственной письменности Карелии XV—XVII вв.

Предмет исследования — особенности проявления в антропонимии Карелии XV—XVII вв. когнитивно-антропоцентрических, этнолингвистических, аксиологических составляющих.

В основу исследования положена **гипотеза**: антропонимическая система определенной территории в конкретное историческое время может служить значимым элементом в познании языка, культуры народа, населяющего данный регион. Обращение к этим проблемам стало возможным, поскольку автором при работе над темой «Славянская антропонимия Карелии в связи с реконструкцией лексики донационального периода» (1994) была предложена на основе имеющегося в исторической лексикологии опыта методика реконструкции лексики по материалам антропонимии Карелии, которая впоследствии корректировалась. При восстановлении недостающих элементов лексико-семантической системы XIV—XVII вв. был предпринят системный подход к анализу апеллятивов, который, в частности, и обозначил возможность включения именованных (прежде всего прозвищ и образований от них), отмеченных в памятниках письменности, для изучения системы ценностей, особенностей духовного мира общества указанного временного периода. Работа была продолжена с привлечением фактов из некалендарного и календарного ономастиконков.

Цель исследования — анализ антропонимикона Карелии XV—XVII вв. в когнитивно-антропоцентрическом, аксиологическом, этнолингвистическом аспектах.

Задачи исследования:

- 1) представить антропонимическую базу Карелии XV—XVII вв., составленную по русскоязычным и шведским делопроизводственным источникам;
- 2) выявить специфику каждого разряда антропонимической лексики при определении лингвистической, когнитивно-антропоцентрической, этнолингвистической, аксиологической информативности через использование методики семантико-мотивационной реконструкции;

- 3) определить по данным антропонимии Карелии систему ценностей, характерную для региона (природу возникновения и преобладания одних ценностных ориентиров перед другими);
- 4) определить иерархию ценностей через исследование мотивировочных признаков, положенных в основу антропонимических единиц;
- 5) рассмотреть сквозь призму антропонимии Карелии XV—XVII вв. аспекты антропонимической межъязыковой коммуникации, специфику ономастической интерференции.

В работе используются следующие **методы**: описательный, сравнительно-сопоставительный методы, метод компонентного анализа, статистический, исторический, ареальный методы. В совокупности названные методы преломляются при когнитивно-антропоцентрической, этнолингвистической, аксиологической интерпретации антропонимических явлений.

Научная новизна исследования. Впервые произведен анализ исторической антропонимии Карелии XV—XVII вв. в когнитивно-антропоцентрическом, этнолингвистическом и аксиологическом аспектах, позволяющий сделать выводы о системе ценностей, об особенностях представления человека, характерных для социума донационального периода; выявлена иерархия ценностных ориентиров, среди которых главным является коллективная трудовая деятельность семьи и общества в целом. Определяется специфика извлечения такой информации при интерпретации разных антропонимических единиц. Отмечается, что реконструкция ценностных ориентиров в большей степени связана с восстановлением лексико-семантической системы старорусского языка, а следовательно, наиболее актуальными в данном случае являются прозвища, восходящие к экспрессивам. В научный оборот введен антропонимический материал, извлеченный из русскоязычных и шведских документов, обозначена важность привлечения иноязычных материалов для исследования когнитивно-антропоцентрических, аксиологических, этнолингвистических аспектов исторической антропонимии. Показаны отдельные моменты соприкосновения и проявления национально-культурной специфики русской и прибалтийско-финской, самской антропонимии, их особый этнолингвистический, культурный статус. Новизна заключается и в том, что в изучение региональной исторической антропонимии впервые вводится ареальный метод, а к систематизации и комплексной обработке антропонимического материала привлекаются специально разработанные базы данных.

Теоретическая значимость диссертации. Результаты исследования вносят вклад в разработку когнитивно-антропоцентрического, аксиологического и этнолингвистического подходов при изучении антропонимического ресурса, представленного в региональных памятниках

письменности донационального периода, в дальнейшие изыскания, связанные с теорией номинации. Как следствие, констатируется: антропонимические единицы — это не только лингвистические, ономастические, но и когнитивно-антропонимические, этнолингвистические, аксиологические знаки, позволяющие выявить информацию о духовной жизни народа, о возможности использования антропонимов для восстановления парадигмы ценностных ориентиров в языковой картине мира периферийного полиэтнического региона русского государства XV—XVII вв. В работе определена когнитивно-антропонимическая весомость разных видов антропонимических единиц в исследовании парадигмы ценностных «стереотипов», этнолингвистической интерпретации фактов, соотносимых с системой номинаций человека. Вносится вклад в изучение специфики межъязыкового контактирования на уровне именований, включенных в памятники письменности Карелии XV—XVII вв. Уточняются критерии разграничения некалендарных личных имен и прозвищ. Обосновывается возможность использования метода картографирования в исторической антропонимике.

Практическое использование результатов исследования. Материалы исследования нашли применение в лексикографической практике при издании «Словаря некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV—XVII вв.» (2010), а также в вузовской практике при разработке (в соавторстве) баз данных «Электронный Региональный ономастический словарь “Карелия в XV—XVII вв.”» (2015), «Историческая антропонимия Карелии по документам XVI—XVII вв. (по материалам Олонецкого погоста)» (2016), которые могут служить в дальнейшем основой при составлении ономастиконов, словарей имен, фамилий как прошлого, так и настоящего, разработке родословных. Кроме того, материалы исследования использованы в лекционных курсах по современному русскому языку («Лексикология»), «Историческая лексикология», «Диалектология», «Региональная ономастика», «Историческая антропонимия», «Имя в мировой культуре», они могут быть прикладным пособием при разработке курсов по лингвокраеведению, когнитивной лингвистике, этнолингвистике. Предложенный анализ региональной исторической антропонимии, принципы описания ее единиц могут стать основой рассмотрения антропонимических систем других регионов.

Источники исследования. I. Работа выполнена на материале антропонимии, представленной в опубликованных памятниках делопроизводительной письменности Карелии XV—XVII вв. на русском и шведском языках. II. Источниками являются сопоставительные материалы. Это исторические, диалектологические, этимологические, культурологические, этнолингвистические словари; имеющиеся на сегодняшний день исследования по исторической антропонимике других регионов, антро-

понимиконы, ономастиконы, составленные по памятникам письменности; исторические, этнографические, фольклорные и прочие исследования по территории Карелии и др. регионам Руси, славянским языкам. Создана достаточная **фактологическая база**, включающая более 103 000 антропонимических употреблений, представленных в базах данных.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования излагались автором в докладах на 39 научных конференциях и конгрессах в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Вологде, Ярославле, Петрозаводске, Святогорске (Украина), Риге (Латвия) и др. (в том числе 20 международных): Аванесовские чтения (Москва, 14—15 февраля 2002 г.); IV международная конференция «Рябининские чтения — 2003» «Локальные традиции в народной культуре Русского Севера» (Петрозаводск, 15—19 сентября 2003 г.); II Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, 18—21 марта 2004 г.); Международная научно-практическая конференция «Научное наследие академика Ф. Ф. Фортунатова и современное языкознание» (Петрозаводск, 13—16 сентября 2004 г.); Международная научная конференция «Проблемы современной русской диалектологии» (Москва, 23—25 марта 2004 г.); Международная научная конференция «Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона» (Петрозаводск, 10—12 октября 2005 г.); Международная научная конференция «Ономастика в кругу гуманитарных наук» (Екатеринбург, 20—23 сентября 2005 г.); Международная научная конференция «Язык и культура» (Петрозаводск, 23—26 октября 2007 г.); V конференция по изучению традиционной культуры Русского Севера «Рябининские чтения — 2007» (Петрозаводск, 17—21 сентября 2007 г.); Международная научная конференция «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология» (Екатеринбург, 8—12 сентября 2009 г.); VI Международная конференция по изучению и актуализации народной культуры Русского Севера «Рябининские чтения — 2011» (Петрозаводск, 12—17 сентября 2011 г.); IX Конгресс этнографов и антропологов России (Петрозаводск, 4—8 июля, 2011 г.); VIII Международные Святогорские ономастические чтения (Украина, Святогорск, 18—20 октября 2013 г.); Международная научная конференция «Научные парадигмы современного гуманитарного знания и содержание образования» (Петрозаводск, 28—31 октября 2014 г.); V Всероссийская конференция финно-угроведов «Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России» (Петрозаводск, 25—28 июня 2014 г.); EuroNorth2014 Международный форум «Классический университет в пространстве трансграничности на Севере Европы: стратегия инновационного развития» (Петрозаводск, 9—13 декабря 2014 г.); Пятый Киркенесский международный семинар историков «Россия и страны Северной Европы:

физические и символические границы» (Петрозаводск, 15—16 сентября 2015 г.); III Международная научная конференция «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология» (Екатеринбург, 7—11 сентября 2015 г.) и др.

По теме исследования имеется 46 публикаций, в том числе 15 в журналах, рекомендованных Перечнем ВАК, 2 статьи в журналах, индексируемых Scopus (из них одна в зарубежном журнале), 3 в журналах, индексируемых ERIH PLUS. Опубликован «Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV—XVII вв.» (Санкт-Петербург : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2010); созданы две электронные базы данных, имеющие государственную регистрацию.

Положения, выносимые на защиту

1. Антропонимия ресурсов продолжает оставаться одной из актуальных проблем исторической ономастики. Систематизация антропонимических региональных материалов, создание энциклопедии баз данных позволит решить задачу «полной инвентаризации русского ономастического богатства» [Трубачев, 1994], поскольку без исчерпывающей фактологической базы по отдельному региону или их совокупности любые исследования в области антропонимии — ономаσιологические, когнитивно-антропоцентрические, аксиологические, этнолингвистические, функциональные, ареальные, культурно-исторические, социоллингвистические и т. д. — носят несистемный характер.
2. Антропонимы — те языковые единицы, которые наиболее гармонично соответствуют целям когнитивно-антропоцентрического исследования, поскольку именуют человека — объект, стоящий в центре такого анализа. Вместе с тем антропонимы несут информацию о духовной жизни отдельного человека, семьи, общества, их ценностных ориентирах, а потому логично их введение в этнолингвистическое и аксиологическое изучение.
3. Антропонимические единицы, зафиксированные в региональных делопроизводственных памятниках XV—XVII вв., являются в ряде случаев единственным источником изучения духовного мира и системы ценностей общества указанного времени, а потому значимость их привлечения к новым аспектам исследования неизмеримо возрастает. Полученные результаты должны сопоставляться с материалами письменных источников других регионов для выявления универсальных и специфических черт, отразившихся в разноаспектных антропонимических явлениях новой парадигмы гуманитарного знания.
4. Когнитивно-антропоцентрический, аксиологический, этнолингвистический ресурс представлен во всех антропонимических единицах, однако степень их проявления у различных единиц, именующих человека, разная. Наиболее содержательными являются прозвища, а также некалендарные

личные имена и образования от них (патронимы и посессивные ойконимы), поскольку у них наиболее четко обозначена связь с апеллятивной лексикой, за которой может стоять сумма этнокультурных, этнолингвистических сведений. Затем следуют календарные имена и патронимы.

5. Некалендарные личные имена отражают систему семейных ценностей, особое отношение к ребенку проявляется через систему мотивов именования, за которыми могут быть скрыты глубинные культурно-исторические ассоциации. Прозвища очерчивают круг представлений об окружающем мире взрослого человека, социума, большего, нежели семья, где основной ценностной координатой являлась коллективная трудовая деятельность, которая могла быть общерусской универсалией. Общерусским является и функциональное лидерство календарного именика, которое знаменует смену культурного формата: победу христианского мировоззрения. Формирование репертуара календарного именика аналогично тем процессам, которые наблюдаются у некалендарного — это тезоименность, наличие разнообразных модификатов, обусловленные влиянием семейных традиций.

6. История народа не протекает изолированно, она развивается во взаимодействии его с другими народами. Через анализ региональной антропонимии доказано, что «стерильно чистое (бессубстратное) этническое пространство — исключительное и сомнительное явление» [Трубачев, 1982]. Своеобразие региональному антропонимикону придают контакты разноэтнических народов. Межэтническая интеграция берет начало на апеллятивной стадии, онимизация заимствованной основы — верх взаимодействия разноэтнических систем. При стремлении к переплетению и взаимодействию антропонимиконов выделяются специфические фрагменты, свидетельствующие о разном видении окружающей действительности разными этносами.

7. К исследованию славянского (некалендарного и календарного) регионального ономастикона XV—XVII вв. могут привлекаться деловые документы, написанные иностранцами, в которых требование правильной идентификации лица заставляло составителей представлять в источнике реально существующий в социуме антропоним. Русский человек, оказавшийся в иноязычном, инокультурном, иноконфессиональном окружении, продолжает создавать систему именований, этнически и культурно связанную с русской ономастической системой номинации лица.

Структура и объем работы. Диссертация включает введение, 5 глав, заключение, список источников, список использованной литературы, список словарей, список принятых в работе сокращений, приложения; работа снабжена 18 рисунками-картами, отражающими ареалы распространения отдельных антропонимических явлений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во *Введении* определяется актуальность работы, ее теоретико-методологическая база, обозначаются объект и предмет исследования, выдвигаются гипотеза, цель, задачи диссертации, дается характеристика методов изучения, формулируются научная новизна и теоретическая значимость работы, излагается практическое использование результатов, представляются источники исследования и фактологическая база, составленная на их основе, формулируются теоретические положения, выносимые на защиту, дается общая характеристика структуры работы. В первой главе *«Исследование антропонимических единиц в новых парадигмах лингвистического знания»* уделяется внимание теоретическим вопросам изучения антропонимов в новых лингвистических направлениях, которые вобрали не только языковые, но и исторические, социальные, (меж)культурные, (меж)этнические, конфессиональные и др. знания поколений. Указывается, что антропоним — наиболее яркая антропоцентрическая единица, поскольку она предельно связана с человеком, без нее невозможно существование человеческого общества. Эта исключительная черта антропонимов — максимально полно репрезентировать человека как носителя имени (антропоцентризм) — органично соединяется с такими аспектами исследования, которые обращаются к информации о значимых сторонах духовной жизни, культуры самого человека и социума (этнолингвистика), в котором он живет и выстраивает систему ценностей (аксиология), перерабатывая и категоризируя через имя различные признаки окружающего мира (когнитивная наука). Такой полипарадигмальный подход позволяет выделить универсальные и специфические черты духовного мира отдельного человека, социума, народа в целом, особенности ценностных ориентиров, представленных в языковой картине мира и сопряженных с нею явлений.

Наиболее существенный вклад в разработку данной проблемы внесен этнолингвистическими изысканиями Е. Л. Березович и апробирован ею же при разработке методики извлечения этнокультурной информации, а затем применены к реконструкции мифопоэтического образа пространства на материале топонимов, зафиксированных на Русском Севере. Тезис Е. Л. Березович о том, что топоним — уникальный источник информации о духовной культуре народа, представлен в исследованиях Л. А. Климковой, Е. Ф. Ковлакас, Б. Х. Мусукаева. Опора на теоретические постулаты Е. Л. Березович позволила подключить к подобному изучению антропонимические данные, которые, по словам О. Н. Трубочева, В. Н. Топорова, особенно ярко отражают взаимосвязь языка и культуры и являются наиболее культуроносными знаками. Теоретические и методологические вопросы

преломления культурной составляющей в антропонимах и их неразрывная соподчиненность с человеком, обществом поднимаются в работах М. В. Голомидовой, М. В. Горбаневского, Ю. М. Лотмана, М. Э. Рут, Н. И. Толстого, С. М. Толстой, Т. В. Топоровой, Б. А. Успенского, а также С. Н. Смольникова, Е. И. Сьяновой, Г. Б. Мадиевой и В. И. Супруна и др. Отметим обращение и к другим частным проблемам, применяемым к анализу материала, где объектом изучения является когнитивная сущность имени собственного. А. Б. Бойко, С. И. Гарагуля, Ф. Х. Гильфанова, К. И. Ниетбайтеги, М. Г. Новикова, В. В. Робустова, И. М. Шокина, А. С. Щербак и др. определяют место антропонимических единиц в мировоззренческой деятельности человека. А. Ф. Азнабаева, Т. П. Егорова, Е. М. Костюченкова, Т. Б. Кузнецова, З. М. Раемгужина, В. И. Семенова, А. В. Юдин, Ю. Юркенас и др. отмечают, что антропонимы — это своеобразные фрагменты языковой картины мира. Не случайно исследователи (Н. В. Васильева, О. Ю. Карпенко, В. В. Робустова) ставят вопрос о разработке когнитивной ономотологии, которая даст ответ на вопрос: как информация закрепляется и передается в онимах?

Наиболее обсуждаемыми являются проблемы аксиологии (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Е. Бартминьский, Е. А. Березович, А. Вежицкая, Ю. Н. Караулов, Б. А. Серебренников, Ю. С. Степанов, В. Н. Телия, Е. В. Урысон, А. Д. Шмелев и др.). Это одна из актуальных проблем гуманитарного знания, поскольку формирование ценностей, их динамика — характерная область любого общества. «Ключевые слова» (понятия) народной культуры, которые несут особую аксиологическую нагрузку, играют организующую роль в ценностной картине мира.

Практически во всех изысканиях находим аксиоматичное утверждение о культурно-исторической ценности антропонимов, их особой специфике, поскольку имя человека живет в определенную эпоху, развивается в известной культуре на конкретной территории, испытавшей / не испытавшей влияния других народов. Содержащаяся в антропонимах информация о духовной культуре может иметь разное выражение: «прозрачное» при первом рассмотрении и «затемненное», требующее от исследователя разработки методов и приемов извлечения такой информации.

Таким образом, антропонимия органично включается в парадигмы новых лингвистических направлений, при этом объединяющим началом всех исследований является антропоцентризм, служащий основой представления человека в мире. Источниками, к которым обращаются ученые при обсуждении этих вопросов, являются сведения из мифологии, фольклора, этнической истории, а также языковые единицы, зафиксированные в литературных, диалектных нарративах, письменных документах разных периодов.

Особенности языковой картины мира, духовные ценности, мыслительные образы человека, жившего до XVIII в., редко становятся объектом изучения. Отметим работы Т. И. Вендиной, А. Я. Гуревича, В. В. Колесова, Б. А. Рыбакова; В. Н. Топорова и др., в которых исследуется обычно апеллятивная лексика, ее анализ показал, что при описании когнитивно-антропоцентрических, этнолингвистических, аксиологических аспектов имеются лакуны, не позволяющие до конца создать объективную картину значимых сторон жизни человека, жившего в донациональную эпоху.

Наличие «белых пятен» заставило обратиться к поиску базы, которая может дополнить сведения о человеке, его мире и системе ценностей в прошлом. Таким источником восстановления различных фрагментов картины мира может служить антропонимия памятников письменности разных временных срезов Руси, которая для целей подобного исследования привлекалась эпизодически (М. В. Богачева, А. А. Захарова, Н. В. Комлева, И. А. Кюршунова, Н. Н. Парфенова, С. Н. Смольников, Ю. К. Юркенас). Следующий этап обусловлен разработкой процедуры извлечения когнитивно-антропоцентрических, этнолингвистических, аксиологических сведений, содержащихся в индивидуальных номинациях человека.

Поскольку антропоним включен не только в широкий культурный контекст эпохи, но и соотносится через комплекс денотатов с лексико-семантической системой, разработанную процедуру обозначим как *методика семантико-мотивационной реконструкции*, идея которой и ее воплощение на примере этнолингвистического анализа диалектной и топонимической лексики принадлежит Е. А. Березович. *Семантико-мотивационная реконструкция*, по Е. А. Березович, — неразрывная связь семасиологической и ономасиологической сторон анализа, учет ситуации номинации, способствовавшей возникновению лексической единицы и предопределяющей семантическое развитие. Наряду с другими методами (этимолого-ономасиологическим, интегрально-контрастивным и лингвогеографическим) семантико-мотивационная реконструкция составляет методологическую базу этнолингвистического изучения. При этом выводы, которые получает в данном случае исследователь, должны быть ориентированы на когнитивный, аксиологический аспекты.

Среди задач по исследованию когнитивной или любой другой сущности языковой единицы, которые призвана решать семантико-мотивационная реконструкция, Е. А. Березович справедливо называет: 1) объяснение значения этимона; 2) воссоздание всей полноты номинативной и культурно-прагматической ситуации. Однако эти проблемы вкупе с интерпретацией фактов — это конечная цель изысканий. Начало должно быть связано с прикладными аспектами, за которыми мы и будем стремиться видеть эту конечную цель. Необходимо при этом учесть:

1. Создание достаточной фактологической базы (в данном случае регионального антропонимического ресурса), позволяющей определять значимость любых явлений в ономастической системе региона.
2. Привлечение к сбору с последующим анализом антропонимического материала из источников разных типов.
3. Определение статуса состава единиц, входящих в изучаемый антропонимикон, деление на виды: календарные и некалендарные личные имена, прозвища, патронимы, а также посессивные ойконимы, в которых проявляется номинация индивида. Такое широкое включение разных видов антропонимов в новую исследовательскую парадигму объясняется тем, что когнитивно-антропоцентрическая, этнолингвистическая, аксиологическая составляющие выявляются у каждой названной единицы через мотив именованья, но степень насыщенности такой информацией и способы ее извлечения различны у разных видов антропонимов. Если ранжировать антропонимические единицы с данных позиций, то наиболее содержательными в культурно-языковом плане являются прозвища и некалендарные личные имена, поскольку их вторичность по отношению к лексической системе языка очевидна. Далее следуют патронимы и ойконимы, сформировавшиеся на их основе. Календарные имена также должны стоять в этом ряду, несмотря на изначально неравный вес в сравнении с другими антропонимическими единицами, ярко представляющими человека в исследовательских парадигмах.
4. Статистическая обработка материалов, которая позволит в дальнейшем интерпретировать количественные показатели: определить специфику каждой единицы для раскрытия информативности и важности ее использования для изучения антропонима в новых парадигмах лингвистики. Здесь же необходимо учесть разграничение антропонимической единицы как таковой и ее употребления, а также случаев повторной номинации лица.
5. Отбор материалов для сравнения с последующей интерпретацией фактов. Вообще сравнение и сопоставление должны в таких исследованиях расцениваться как основной и постоянный прием, без которого невозможно увидеть универсальные и специфические явления. Сравняться могут именованья различных регионов (одинаковых и неодинаковых по языку, этнической и конфессиональной принадлежности), разных по жанру памятников, определенных хронологических срезов. Сравняться должны именованья и аппеллятивные материалы различных сфер и т. д., последовательность выполняемых сопоставительных операций подобна расширяющимся кругам. Именно сравнение и сопоставление открывают семантомотивационный этап в привлечении к реконструкции исторической антропонимии, включенной в новые аспекты лингвистического знания. Одна из главных особенностей заключается в том, что большая часть антропони-

мических единиц вторична по отношению к апеллятивной лексике. Апеллятив, совпадающий с основой антропонима, — это его этимон, внутренняя форма, возможный мотив именованя.

6. Следовательно, возможно обращение к лексическому значению апеллятива, соотносимого с антропонимом, как его внутренней формы. Эта особенность позволяет интегрировать антропонимы в группы и микрогруппы (или в другой терминологии, поля и микрополя; множества и подмножества), что, по мнению ряда исследователей, является одним из перспективных приемов анализа имен собственных (см. Ю. К. Юркенас, Ж. Ж. Варбот).

Исследователи подчеркивают «консервирующие», «резервирующие» свойства ономастических единиц, их «способность служить незаменимым источником разного рода информации — фонетической, словообразовательной, лексической и др.» [Е. А. Березович, 2014], об этом же говорили Ю. С. Азарх, М. В. Богачева, Е. Н. Варникова, Л. В. Васильев, И. М. Ганжина, Л. М. Городилова, В. Я. Дерягин, О. М. Доконова, Р. В. Железнова, И. А. Кюршунова, В. П. Лемтюгова, М. М. Маковский, Н. Ю. Меркулов, И. И. Муллонен, В. А. Никонов, Н. Н. Парфенова, Е. Н. Полякова, Г. П. Смолицкая, О. Н. Трубачев, Ю. И. Чайкина, В. П. Шульгач, Ю. К. Юркенас. Доказывается, что ономастическая лексика может использоваться для восстановления недостающих звеньев лексической системы прошлого, хронологически соответствующей времени функционирования ономастикона. Однако именно здесь возникают проблемы, поскольку, обращаясь к реконструкции слова, мы восстанавливаем не только само слово, но и его возможное значение (внутреннюю форму имени). Гипотетичность обусловлена значительным временным промежутком у сопоставляемых имени и апеллятива и не дает возможности поставить точку при выяснении вопроса о семантической реконструкции слова. Известно, что структура лексического значения со временем может трансформироваться — расширяться или сузиться; лексическое значение способно к развитию переносов метафорического и метонимического характера. Следует также помнить, что именованя могли и не соотноситься с теми значениями, которые, как кажется, находятся на виду, на самом деле, они могли продолжать жить в зоне мифологического сознания или вообще быть результатом некоей виртуальной ситуации.

7. Описанные особенности семантической реконструкции заставляют обращаться к максимально точной систематизации как антропонимического материала, так и материала с ним сопоставляемого. Систематизация в любом случае начинается с лексикографической обработки материалов:

※ Обрабатываются любые сведения, отмеченные в исторических, диалектных, современных толковых словарях, то есть отбираются близкие в формальном плане основе антропонима апеллятивы.

- ※ Осуществляется поиск в лексическом значении компонентов, которые в семантическом плане наиболее близки, чтобы быть связанными с мотивом именованя человека. Прежде всего это все названия лиц. Преимущество агентов перед другими единицами обусловлено их повышенной способностью к переходу в разряд имен собственных. Дальнейшая их дифференциация (и интеграция) строится на вероятностной основе, но учитывается как возможный мотив именованя.
- ※ Производится обращение к материалам мифологического, фольклорного, народного (диалектного) характера для выявления эксплицитных и имплицитных мотивов именованя.
- ※ Если антропоним соотносится с комплексом мотивов именованя, то необходимо установить порядок их представления. С этой целью сначала определяется статус антропонимической единицы: а) если перед нами некалендарное личное имя или прозвище, то, даже учитывая, что в семантико-мотивационном плане эти единицы различны, на первое место мы поставим мифологические мотивы именованя, вычлененные из нарративов фольклорного или этнографического характера, а также сведения об обрядах и верованиях. Место лидера им обеспечено их несомненной древностью, хотя их мотив в большей степени сомнителен; б) далее будут следовать мотивы, связанные с различными названиями лиц. При этом очередность представления сопоставительной информации будет подобна расширяющимся в географической проекции кругам: сначала рассматриваются возможные мотивы именованя, которые бытуют там, где зафиксировано имя (в данном случае в русских говорах, в памятниках письменности Карелии), далее движемся к «периферийным» (отдаленным от Карелии) регионам; в) необходимо учитывать контаминацию семантических признаков, которые могли присутствовать в момент индивидуальной номинации лица, «поведение» самой антропонимической единицы, попавшей в иноязычное, иноэтническое, иноконфессиональное окружение.

Таким образом, с одним антропонимом (независимо от того, какой статус он имеет: некалендарное или календарное имя, прозвище, патроним) может соотноситься комплекс мотивов именованя, имеющих характер закрытого списка. Учет этих фактов и позволяет перейти от реконструкции мотивов именованя к воссозданию фрагментов картины мира, системы духовных ценностей, ключевых понятий эпохи, что в целом дает познание о человеке и его обществе.

С семантико-мотивационной реконструкцией связан дискуссионный теоретический вопрос о *семантике антропонимов*, также поднимаемый в первой главе. Автор работы признает существование лексического значе-

ния у имен собственных в речи, выделяет в структуре значения компоненты: сигнификат — денотат — коннотат, принимает положение о том, что социум — основной источник сведений об особенностях функционирования имени. Именно через бытование имени в социуме проявляются такие компоненты лексического значения, которые как денотат и коннотат дают возможность не только систематизировать материал, но и описать его в новых парадигмах лингвистического знания. Сигнификат же у всех антропонимических единиц не является ярко выраженным.

Данный вопрос рассматривается на примере антропонимов, актуализированных (воплощенных) в текстах деловых документов Карелии донационального периода. Именно текст памятника письменности является опосредованным «представителем» речи. Эта опосредованность является условной, поскольку письменный текст делового документа не дает полной информации о специфике бытования имени в социуме, а потому из него извлекается все, что имеет отношение к именуемому. В итоге выявляется, прежде всего, комплекс денотативных сем. Ср. запись: «*Дер. Цилополе: в ней Тимошка, сеет ржи 2 коробы, сена косит 10 копен; обжа; доходу 2 белки, ключнику община*», 1496 (Шуньгский погост), которая позволяет определить статус именуемого — ‘крестьянин’, принадлежность к определенному месту жительства — ‘житель дер. Цилополе Шуньгского погоста в Обонежье’, указание на собственность, с которой берется налог, — ‘имеющий определенный доход’. Итак, чем больше информации об именуемом находим в тексте, тем большее количество денотативных признаков можно вычлениить у имени конкретного его носителя. В денотативное поле будут входить и мотивировочные признаки отапеллятивных именовании (*Первой, Ждан, Подосен, Брил, Варакса, Голован* и др.), особенно в стадии появления номинации, когда связь с мотивом номинации представляется наиболее яркой, не утратившей актуальности.

Коннотативный компонент присутствует у всех антропонимических единиц. Однако у календарных имен его конкретное наполнение остается под вопросом, так как нельзя, как, например, в современном социуме, провести наблюдение за особенностями его функционирования. С коннотациями связана и субъективная оценка имени с точки зрения «ономастического вкуса»: «модные» имена, несмотря на диктат церкви, были во всех регионах Руси, что объясняет существование тезоименности. Как следствие, предположение о возможной оценке имени как красивого и о дополнительной семе, которую необходимо включить в круг денотативных, — ‘в честь кого-то’. У некалендарных имен и прозвищ коннотация выстраивается полярно на семантической шкале ‘положительная оценка’ (+) ↔ ‘отрицательная оценка’ (—), чаще всего с перевесом к знаку минус. Коннотации формируются в семейном социуме или в обществе, вынужденном коллективно трудиться, общаться.

Таким образом, лексическое значение антропонимов, зафиксированных в письменных источниках, представлено теми же компонентами, что и у любого вида онимов в речи. Однако наполнение этих компонентов семным содержанием (кроме сигнификата) необходимо рассматривать с учетом деления антропонимических единиц на календарные, некалендарные личные имена и прозвища. О сформировавшемся денотате и коннотате у этих антропонимов можно судить по информации, сопровождающей именуемое лицо в тексте документа, а у некалендарных личных имен и прозвищ эти компоненты обусловлены с мотивирующим апеллятивом.

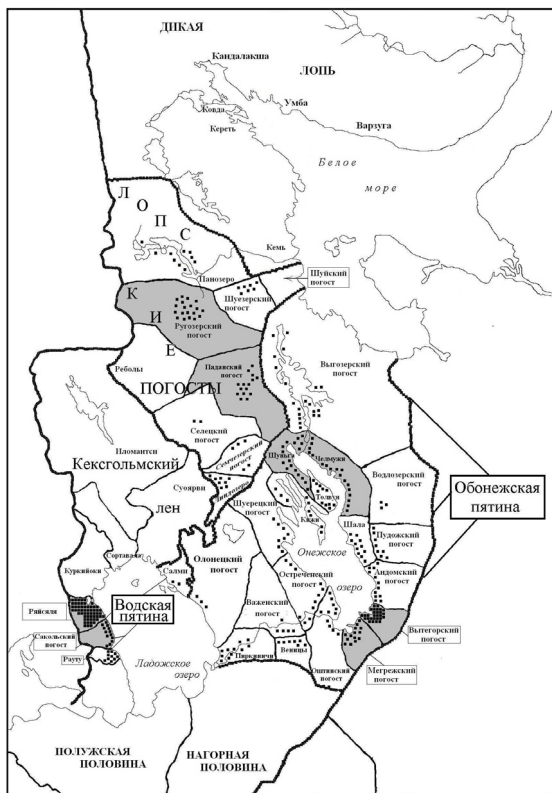
Вторая глава *«Некалендарные личные имена в письменных источниках Карелии XV—XVII вв. в новых парадигмах лингвистического знания»* открывается рассмотрением вопросов описания некалендарного именника как фрагмента общерусского антропонимического ресурса. Кратко описан вклад первых исследователей данной антропонимической единицы — А. Балова, Г. Г. Глинкена, Е. П. Карновича, Н. П. Лихачева, Ф. Миклошича, М. Я. Морошкина, А. И. Соболевского, А. Соколова, В. Ташицкого, Н. М. Тупикова, Н. Н. Харузина, Н. Д. Чечулина. Отмечается важность многочисленных работ отечественных и зарубежных ономастологов по изучению региональных некалендарных систем, которые должны помочь решить одну из основных задач исторической антропонимии: «представить развитие общерусской системы именования» [Г. В. Бахвалова, 1972]. Следовательно, актуальным является лексикографирование некалендарного именника, традиционно связанное с именами М. Я. Морошкина, Н. М. Тупикова, С. Б. Веселовского и в настоящее время продолженное И. А. Королевой, А. В. Кузнецовым, И. А. Кюршуновой, А. Г. Мосиным, Н. Н. Парфеновой, Е. Н. Поляковой, Ю. И. Чайкиной. Такая работа позволит не только исчерпывающе представить состав некалендарного антропонимикона, но и обратиться к решению ряда традиционных и новых теоретических вопросов изучения некалендарного ресурса. Затрагивается вопрос о разграничении некалендарных личных имен и прозвищ, подвергаются анализу и уточняются критерии такой дифференциации, рассматриваются классификации данных антропонимических единиц, среди которых особое внимание уделено классификациям А. Н. Мирославской, М. А. Демчук, С. Н. Смольникова. Отмечается, что все классификации объединяет направленная этнолингвистичность, антропоцентризм, когнитивность.

В ономастическом плане значимо: некалендарные личные имена близки к календарным, присваивавшимся новорожденным в христианской культурной традиции, и к прозвищам — из-за близости к апеллятивной основе, как внутренней форме. А следовательно, они имеют право на их включение в процедуру семантико-мотивационной реконструкции. С этой целью проведено предварительное описание некалендарного личного ономасти-

кона Карелии XV—XVII вв. с точки зрения состава и частотности. В исследуемых документах присутствуют традиционные по всей Руси некалендарные личные имена (около 5000 употреблений на примерно 700 именованных — 11,5%), которым можно присвоить статус *некалендарное личное имя*. Большая часть из них входит в состав универсальных ономастических полей, отражающих порядок и время появления ребенка на свет, отношение родителей к факту рождения, внешние особенности и качества характера новорожденного, которые ярко проявлялись с детства. Самый разнообразный репертуар некалендарных личных имен — в ономастическом микрополе ‘внешность новорожденного’ (около 50 именованных: *Вялица, Грибашко, Завьялко, Лобанко, Малют(к)а, Ширяй(к)о* и т. д., на 304 носителя). Это свидетельство значимости эстетического критерия в номинации лица. При этом внутренняя форма таких имен не имеет негативной экспрессии или сглаживается через использование формантов. Самыми частотными являлись имена, указывающие на отношение родителей к факту появления ребенка в семье (*Бажен(к)о, Ждан(к)о, Жданец, Нелюб(к)а, Собин(к)а* и др. — более 400 носителей) и на порядок рождения (*Вторушка, Девятко, Первуш(к)а, Первыш(к)а, Пятуня, Пятушка, Третьяк, Третьячко, Четверток, Шестак, Шестачко* и др. — около 450 носителей). В список популярных некалендарных личных имен, зафиксированных в русскоязычных официально-деловых документах Карелии XV—XVII вв., входят следующие антропонимы (в порядке убывания частотности): *Нечай: Нечайко, Нечаец* (158); *Третий: Третьяк, Третьячко, Тренка* (137); *Поздей: Поздейко, Поздняк, Позднячко* (82); *Истома, Истомка* (71); *Первой: Первуша, Первушка, Первыша, Первышка* (70); *Меньшой: Меньшак, Меньшик, Меньшичко* (56); *Ушак: Ушачко* (42); *Ждан: Жданко, Жданец* (41); *Вешняк: Вешнячко* (39); *Малой: Малко, Мал(ь)га, Малейко, Малюк, Малютко* (24); *Невзор: Невзорко* (21). Эти антропонимы можно назвать ядром древнерусского ономастикона, общеславянским именным фондом. Их носителями были не только крестьяне, бобыли, земцы, мастеровые, но и служители церкви, приближенные к крестьянской среде и являющиеся, скорее всего, ее выходцами: ср.: *дьяк Беляйко*, 1563; *дьячок церковной Звяга Максимов*, 1582; *понамарь Клепа*, 1582; *поп Немир* Ондреев, 1582 и т. д. Подобные материалы отмечены и в частно-деловых документах XVII в.: *Баженко Семенов, дьячок, поручная*, 1649; *Дружинка Герасимов, юштозерский дьячок, челобитная*, 1659; *Ждан Прокопьев, поп, отписка*, 1690 и т. д. Однако частотность некалендарного ономастикона была разной в отдельных регионах Карелии XV—XVII вв. (см. карту).

Как видим, в пределах небольшого периферийного региона, каким является Карелия, можно выделить зоны господствующего функционирования некалендарной системы именования. Не случайно эти территории в пределах пятин и погостов располагаются в непосредственной близости (выде-

Распространение некалендарных имен
по регионам Карелии

лены серым цветом). Зоны с невысокой плотностью в использовании некалендарных имен отдалены от таких центров. Важно отметить, что небольшое количество некалендарных личных имен «обслуживает» почти треть жителей региона, что свидетельствует о *высоком среднем коэффициенте одноименности* и является косвенной причиной «победы» календарного имени, который стал одним из способов ухода от нарушения основной функции имен собственных — функции индивидуализации и идентификации лица.

Некалендарные антропонимы — это представители семейного социума, поэтому неслучайны примеры семейных соименований

(*Башмак Чулков*, 1593; *Заец* Тихонов сын *Быкова*, 1543; *Томило Истомин сын* Балакшина, 1568; *Первой да Исуп Третьяковы* дети Зынина сына Савина, 1568; *Третьяк* Леонтьев сын *Шестого*, 1639; *Шестачко Третьяков*, 1582/83; *Вторушка Третьяков*, 1612 и т. д.) как отражение архетипического противопоставления «свой ~ чужой», где члены одного семейного ряда обозначены близкими в семантическом плане именами.

Доказательством устойчивости некалендарного имени являются документы XVII в., написанные на шведском языке, в которых зафиксировано около 60 некалендарных именовании (на 200 носителей), среди них выделяются и такие, которые не включены в русскоязычные документы по Водской пятине XVI в. и по Карелии в целом, вероятно, из-за вмешательства писцов (*Buraiko Ivanoff*, 1631; *Butko Wolkof*, 1618; *Budilko Timofeoff*, 1631; *Бояринко Семенов* / *Bogarin Semenov*, 1637; *Позорко* Мегоев / *Possorko Michael*, 1637).

Представленные в русских и шведских документах факты доказывают, что «языческий консерватизм», связанный с функционированием исконно русских имен, на периферии длился значительно дольше, а смена религиозной формы освоения человеком мира через имя по разным регионам Руси проходила с неординарной степенью интенсивности. Более того, имеются исторические данные, что в XIII—XIV вв. не все жители Карелии были христианами, документально подтверждено сохранение языческих обрядов.

Далее в работе обсуждаются вопросы анализа некалендарного ономастикона с точки зрения новых парадигм лингвистического знания. Определяются особенности мотивации таких имен и их информативная нагруженность. Рассмотрим их.

Применение *семантико-мотивационной реконструкции* к анализу внутренней формы некалендарных личных имен показало, что имя, данное при рождении, не было случайным. Номинация обусловлена разными предположениями об истинных мотивах именования и способах образования таких имен в прошлом. Выяснено: за каждым именем стоял не один, а как минимум два мотива именования. Один из мотивов был предельно прозрачным. Такая эксплицитность внутренней формы дает возможность объединять некалендарные личные имена в семантические группы. Другой мотив / мотивы имплицитно выходили на этнокультурный уровень, обусловленный древними верованиями, семейной «философией», особым отношением к детству и самой процедуре имянаречения. Так, фиксация имени *Третий* предполагает, что в семье последующие имена будут сопряжены с числовым рядом. Однако за «прозрачным» мотивом 'порядок рождения' прочитывается еще и пожелательный мотив, доказывая, что мотивационная база некалендарного имени не является однородной. Скажем, перефразируя А. А. Потебню, что она состоит из спаянных ближнего и дальнего мотивов номинации, где ближайший мотив стоит за семантикой апеллятива (в рассматриваемом примере '*третий* по порядку рождения'), а дальний мотив подразумевается и требует реконструкции, поскольку пожелательный мотив у имени Третий является скрытым. За ним видится прагматическое стремление иметь большую семью, т. к. семья с большим количеством лиц мужского пола — богатая семья, а это, в свою очередь, залог достатка и успеха в обществе. Можно увидеть и другие имплицитные составляющие мотива — это сила, удача и богатство, логически координирующиеся еще с одним мотивом именования — народной магией числа. Верификация предположения связана с обращением к материалам мифологии, фольклора, диалектным и этнографическим нарративам, представленным, например, в исследованиях XIX в. — А. Н. Афанасьева, Ф. И. Буслаева, Д. К. Зеленина, С. В. Максимова и т. д., в работах современников — Л. Н. Виноградовой, И. Ю. Винокуровой, А. Ф. Журавлева, И. И. Иванова и В. Н. Топорова, Н. А. Криничной, В. Я. Петрухина, Н. И. Толстого, С. М. Толстой, О. А. Черепановой и др., в словаре «Славянские древности».

В рассматриваемом примере это поиск фактов, где описаны обычаи, ритуалы, сопряженные с магией числа *три*. Выявлено: число *три* — это развитие и завершенность процесса, полнота некоторой последовательности (начало — середина — конец или нижний — средний — верхний уровни и под.). Третий член некоего ряда трактуется как высший, совершенный (в фольклоре: третий сын, третья дочь и т. п.) [см. Славянские древности; С. М. Толстая]. Поэтому можно у именованного *Третий* вычленил еще один, вероятно, пожелательно-охранный мотив, точную семантику которого трудно обрисовать, но который, вероятно, контаминировался с другими членами мотивационной парадигмы имени *Третий*.

Полиморфизм мотива именованного, временной отрыв от ситуации номинации лица дает возможность для контрастных допущений о семантико-мотивационной реконструкции некалендарного личного имени: 1) каждый выявленный мотив именованного в сознании номинатора являлся дискретным; 2) между мотивами номинации могла действовать диффузия, когда при наречении все возможные мотивы номинации переносились на именуемого. Последнее кажется наиболее вероятным. Истоки диффузности мотивов обусловлены процессами номинации субъекта на далеких от нас стадиях мифологического восприятия мира. Таким образом, с учетом названных особенностей выстраивается мотивационная парадигма, составление которой обусловлено различными лексическими, фразеологическими, историческими, этнографическими данными, сохранившимися в диалектах и фольклоре, литературном языке. Например, обращаясь к лексикографическому описанию личного имени *Заяц (Зайко)*, следует отметить, что это: 1) охранное имя, поскольку известно, что заяц связан с нечистой силой; 2) пожелательное имя, так как зайцу свойственен эротизм, плодовитость; 3) имелся прагматический мотив: ребенок появился в семье охотника, когда в соответствии с охотничьим календарем начинается охота на зайцев; 4) характеризующие мотивы, которые можно соотнести и с новорожденным, и со взрослым человеком: а) внешние данные, например косоглазие; б) морально-этические качества именуемого, в частности трусость; 5) любая другая виртуальная ситуация, реконструкция которой в настоящий момент не представляется возможной. Наблюдения показывают, что некалендарное личное имя — это особый судьбоносный обряд, соотносящийся с различными обстоятельствами рождения, при котором закладывалась концепция будущего ребенка, его судьба. За индивидуальной номинацией находятся сложные когнитивные процессы, сочетающиеся с этнокультурными идеями и образами. Поэтому имя — это еще и своеобразный вербальный код, через который планируются правильные параметры будущей жизни номинируемого и прочитываются основные установки русского семейного социума и общества в целом. Примером того, что некалендарные личные имена являются особыми отголосками, своеобразными кодами та-

кого видения окружающей действительности и места человека в ней, могут служить имена-апотропеи, у которых мифологическая составляющая доминирует. Основное назначение таких некалендарных личных имен — желать или беречь от беды, смерти, любой опасности, которая может грозить прежде всего ребенку.

Системный подход к семантике лексических единиц, отмеченных в составе именовании Карелии XV—XVII вв., показал, какие группы апеллятивов наиболее востребованы для номинации новорожденного. Назовем в порядке убывания частотности анализируемые в диссертации группы именовании с этнолингвистическим наполнением: 1) некалендарные личные имена, связанные с названиями животных: *Боранко, Ворона, Комар, Кот, Курица, Мураш, Муха, Паук, Синица, Соловей, Чиж* и т. д. (около 40 имен); 2) именования, обусловленные названиями бытовых предметов: *Бакланко, Башмак, Деревяга, Игла, Иголка, Кошель, Кубаско, Лапоть* и т. д. (около 30 имен); 3) имена, соотносящиеся с названиями нечистой силы: *Бутас, Жихарь, Кика, Кострома, Лембой, Лизун, Мар(а), Синец, Солоха, Хорь, Шитик, Шиш, Шишка, Шишел, Шишуля* (25 именовании); 4) личные имена, обусловленные названиями частей тела: *Брил, Жила, Зуб, Лупайко, Пакуля, Скуратко* и т. д. (13 имен); 5) имена, соотносимые с названиями продуктов питания: *Бебень, Курник, Луста, Шанга* и т. д. (10 имен); 6) имена, соотносимые с названиями растений: *Берсень, Капуста, Лулак, Rogozинка* и т. д. (9 имен); 7) имена, соотносимые с названиями природных явлений: *Буторка, Падорко, Сиверик, Слота, Торопко* и т. д. Данная группа личных имен соотносится с известной группой по времени рождения: *Вешняк (Вешнячко), Подосенко, Морозко, Суббота (Суботка), Пос(т)ник (Пос(т)ничко), Поздей (Поздейко, Поздеец, Поздыш), Поспел (Поспелко)* и т. д.; 8) имена, соотносимые с названиями цветового спектра, восходят к корням *Бел-, Бур-, Руд-, Черн-, Чубар-*: *Белашка, Бурко, Бурец, Рудачко, Рудной, Чубарко* и т. д. (6 имен). В мотивационном плане такие имена представляют этнолингвистические сведения, которые можно свести к двум коррелирующим типовым моделям: 1) связь имени с различными мифами, ритуалами, обычаями, позволяющими считать имя ребенка *охранным знаком* его самого, семьи, рода; 2) в имени отражается мистификация обстоятельств появления ребенка на свет, переводящая имя в *знак-обман*. Это ставит ребенка, наделенного именами, прежде всего, с непрозрачной этимологией (*Заяц, Бык, Суслон, Губа, Маслак, Кисель, Ошурок, Дерига, Бурко, Рудачко, Падорко* и др.), в ряд «чужих» лиц, попадающих в семью через посредство животных, птиц, растений, природных стихий и т. п. или найденных, купленных, посланных божественными силами.

Фиксация таких именовании, без сомнения, транслирует «живые» взгляды средневекового человека на мир, их появление апеллирует к мифологическим мотивам, нашедшим воплощение в ритуалах, соотносящихся с рож-

дением, и ведет начало из того времени, когда человек видел себя в нерасчлененном единстве с природой. Их присутствие в региональных документах позволяет реконструировать фрагменты культураносных эпизодов древней картины мира, которые были свойственны прежде всего семейному социуму как хранителю таких верований, являющихся одной из сторон культуры, воплотившейся в языке.

В главе 3 «*Прозвища в памятниках письменности Карелии XV—XVII вв. в новых парадигмах лингвистического знания*» анализируются прозвища. С точки зрения *антропонимии ресурсов* список прозвищ, в сравнении с некалендарным и календарным именником, не является закрытым. В памятниках письменности Карелии XV—XVII вв. фиксируется около 600 единиц, которые с уверенностью можно отнести к прозвищам, и около 150 единиц, которые занимают пограничное положение между прозвищем и некалендарным личным именем. Отмечается номинативная и семантическая вторичность прозвищ, отличающая их от личных имен, поскольку они присваивались лицам, уже имеющим имя с рождения — календарное или некалендарное (как Копоско *Скоморох*, Иванко *Балаха*). В семантике апеллятивной основы прозвищ содержатся компоненты, характеризующие действия и признаки, свойственные взрослому человеку (*Скоморох* ← *скоморох*, *Балаха* ← *балаха* и т. д.). Прозвищная номинация — динамический процесс, продолжающий предшествующие обычаи именования лица, в котором отражены креативные особенности и предпочтения определенного социума, а достаточно четко обозначенная связь прозвищ с апеллятивом ставит эту антропонимическую единицу на более высокую ступень в выяснении когнитивно-антропоцентрической, этнолингвистической, аксиологической информации, нежели календарные и некалендарные личные имена.

Большая часть прозвищной лексики восходит к экспрессивам, которые, как имена нарицательные, не нашли должного представления в памятниках письменности в силу жанровой специфики последних. Например, прозвище *Грибан* образовано от апеллятива *грибан*, отсутствующего в русских памятниках письменности. Его фиксация в документе является доказательством, что такое нарицательное существительное было в лексической системе XVI в. Вероятно, это слово содержало или описание внешности человека, ср. *гриба́н* — ‘человек с толстыми губами’ пск., или характеризовало морально-этические качества, ср. *гриба́н* ‘угрюмый, вечно недовольный человек’ арх. и под., что дает возможность для предположения: слово **грибан* реконструировано для языка донационального периода. Такие прозвища и сформированные на их базе ономастические единицы являются теми «драгоценными свидетелями», которые позволяют расширить знания о лексико-семантической системе прошлого. Через прозвище реконструируются достаточно объемные семантические множества экспрессивных названий лиц по внешним (физическим) и мораль-

но-этическим качествам, среди которых выделяется грамматическая группа слов общего рода, функционировавшая в народно-разговорном языке донациональной эпохи.

За прозвищем также выстраивается семантико-мотивационная парадигма, но иного качества, нежели у некалендарного личного имени. Если у последних между реконструируемыми членами семантико-мотивационной парадигмы можно предполагать одновременную диффузию мотивирующих компонентов в момент номинации, то у прозвищ такое возможно только в случае их соотношения с однозначным апеллятивом, где диффузия будет касаться только профилактических свойств номинации, т. е. прозвище дается с целью охарактеризовать черты номинанта и одновременно предупредить возможность их появления у других членов общества, иначе они могут получить такую же номинацию. Если прозвище соотносится с многозначным апеллятивом, то члены такой парадигмы будут дискретны даже в частной диалектной системе. Исключения будут составлять случаи, когда семантический синкретизм отмечен у сопоставляемого с прозвищем апеллятива. Ср. примеры прозвищ, зафиксированных в памятниках письменности Карелии, и лексическое значение диалектных и древнерусских апеллятивов, в которых контаминируются семы: 'полный' и 'неповоротливый', 'неуклюжий' — *Баклан, Бочка, Кубас, Кубач, Лабза, Олелюха, Телепень*; 'полный' и 'здоровый' — **Гладыш*; 'полный' и 'болезненный' — **Дупль*; 'полный' и 'невысокий' — **Курбат* и т. д. Более того, внешние данные могут переплетаться с характеристикой морально-этических качеств лица: 'полный' и 'неуклюжий', 'неумелый' — *Корова*; 'полный' и 'ленивый' — **Мамон*; 'полный' и 'неповоротливый', 'обжора' — *Кережа*. Подобный синкретизм значений наблюдается и при атрибуции худощавого человека, во внутренней форме таких прозвищ выделяются также высокий рост, болезненность, физические недостатки отдельных частей тела.

Далее рассматриваются группы прозвищ в соответствии с их семантической классификацией: 1) названия лиц по внешним признакам человека (*Коржавка, Костыга, Шаньга* и т. д.); 2) названия лиц по качествам характера человека (*Базыка, Галбач, Дероба* и т. д.); 3) названия лиц, отражающие род деятельности человека (*Кожемяка, Швеи, Шубарник* и т. д.); 4) названия лиц по месту жительства (*Андомец, Падмозер, Толвуянин* и т. д.); 5) названия социального положения, статуса человека (*Бобыль, Поп, Бирич*); 6) названия этнической принадлежности именуемого (*Лопин, Немчин, Татарин* и т. д.). Каждое такое ономастическое поле — определенный фрагмент картины мира.

Количество семантических групп, которые относятся к семантическому полю 'внешние признаки человека', — 47. Статистический анализ единиц, входящих в различные группы, показал, что среди прозвищ, представляю-

щих внешность, самыми объемными являются те, которые связаны с апелляциями со значениями 'полный человек' (31) — *Гладкой, *Гладун, Гундор, Лабза, Кережа, Корова, Луста, Мянда, Тукач, *Кабан, *Корчага, *Кряквя, *Крякуша, *Лепяха, *Лось, *Мамон, Обрюта, *Телеп, *Теляш, Толстой* и др.; 'неаккуратный человек' (20) — **Варакса, Варач, *Варзака, Ворона, *Вотола, Гомаза, Корепан, Кулема, Ляпун, Мазило, *Мазура, *Мурзан, Пуляко, Рямзя, Свинья, Урюпа, Чурпьяк, Шарап* и др.; 'возрастные особенности человека' (16) — *Базыка, Дровко, Зеленец, *Капшак, Каргач, Карза, Кокора, Малко, Мальга, Назим, *Нестарый, Сосун, *Старина, *Старко, Старой, *Ярец* и др.; 'слабый, болезненный человек' (12) — *Вялица, Дряхлой, *Зеленя, Кисель, Корепан, Кочура, *Корчага, Лежень, Лулак, Мендяк, Рохкач, *Слабырь, Суло, *Убоженник, *Хилок, Хрип, Хрипун, Худой, Чалец* и др. Такими же объемными являются группы 'неуклюжий человек' (14); 'светловолосый человек', 'рыжеволосый человек', 'худощавый человек' (12); 'здоровый, крепкий человек' (9); 'высокий человек', 'человек с рябым лицом', 'белолицый человек' (8); 'невысокий человек', 'смуглолицый человек' (7), 'красивый человек' (6), 'шепелявый человек' (5), 'горбатый человек', 'некрасивый человек', 'человек с толстыми губами' (4). В остальные группы входит 1—3 прозвища.

В связи с анализом прозвищ, описывающих физические качества человека, особое внимание уделено именованию, которые восходят к соматизмам, бытующим в памятниках письменности Карелии. Внешние физические данные в составе прозвищ чаще всего называют различные отклонения частей тела от стандарта, их недостатки, например, особенности ног: *Батоног, Колтырь, Луконог, Лытка, Ногатка, Рудног, Тонконог, Толстоног, Хлуконог, Хромец, Хромой, Шарап, Щелконог*; особенности рук — *Пакуля*, возможно, сюда же **Кобра*; особенности головы — *Бут, Головарь, Голован, Горшок, Клуб, Кочан, Курик, Трясоголов* и др. Отмечаются их структурные свойства: частое осложнение описательными компонентами (*без-, бело-, долго-, красно-, криво-, остро-, сухо-, сыро-, толсто-, тонко-, черно-, широко-* и т. д.): *Беззубой, *Безносок, *Безнос, *Без(с)хвост, Белоглаз(ой), Белоглас, Белоус, Долгомуд, Долгошей, Краснохуй, Кривоногой, Кривонос, Кривошей, Кривощек, Сухонос, Толстоног, *Тонконог(ой), Широнос*; использование в качестве номинации составных имен: *Медвежья Голова, Толстые Нагавицы, Сальное Рыло, Усталые Глаза, Рудный Палец, Трясца Гость, Орел Малой, Рогатых Вишей* и др. Соматизмы могли оказаться в структуре именовании в результате метонимического переноса по характерному признаку, выделявшему человека в социуме: *Голова, Горло, Жила, Зуб, Кожа, Коковка, Коча, Кудро, Кудрь, Кудря, Локоть, Лулак, Лытка, Маслак, Моклок, Нос, Пакуля, Рука, Ус, Утроба, Хвост, Хребет, Шадра* и др. Такое разнообразие физических, внешних признаков лица, зафиксированных в основах прозвищ, дает возможность для предположения о существовании в прошлом *эстетического критерия*: внешний облик чело-

века оценивался по параметрам *молодой ~ старый, аккуратный ~ неаккуратный, здоровый ~ больной, красивый ~ некрасивый.*

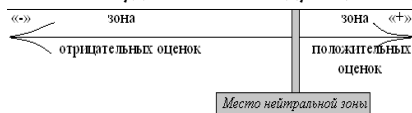
Прозвища, входящие в поле 'морально-этические качества человека', также представлены большим количеством групп (39), см. в убывающем порядке примеры наиболее объемных групп: 'глупый человек' (75) — *Балда, Басарга, Безум, Булыга, Булыч, Виглоха, Гага, *Глушаи, Дуб, Дубина, Дудыр, Дуль, *Дурава, *Дурака, Дурак, Дурила, Квашня, Кока, Киндяк, Кистень, Лапоть, Лупай, Нетес, *Обалда, Олук, Остолоп, Ошмара, Самодур, Столб, Тетеря, Тороп, *Тупик, Турка, Тюлча, Тюлна, *Тютюха, Чюрак, *Чурка, *Чурок, *Чечуля, Шабала, Шелена* и др.; 'скандалист, спорщик' (63) — *Боец, *Брызгало, Брыка, Булгак, Бучен, *Ва(о)тола, Галбач, Голка, Грызло, Гудок, Дикий, Желна, Жихорь, *Задорка, Замятня, Зубарь, Зуй, Кисель, Колокол, Комар, *Костарь, Куккой, Оцера, Рагозина, Самодур, Рагоза, Собака, Сокол, Спица, Суторма, *Харза, Хлус, Шабала, Щекарь, Щеть, *Яга* и др.; 'ленивый человек' (56) — *Бекет, Ботало, Будан, *Валуи, *Висленя(ь), *Висляк, Залежень, Кабан, Коковка, Лагун, Лежень, Лингач, Лодыга, Лодья, Лох, Лыко, Мерин, Негодяй, Немятой, Охлябина, Ошманай, *Рямзя, Ступа, Телеп(а), *Трутень, *Халдей, Холдыга, Шала, Шамша, Шат, Шатун, Шоболда, Шобуня* и др.; 'болтливый человек' (49) — *Байко, *Бай, *Балака // *Балакша, Басень, Бахор, Бача, Бачура, Бобоша, Болтун, Бубен, Бутора, Варач, Варзака, Гундор, Керка, Колоколец, Колтырь(я), *Лопот, Лопотей, Лопата, Луста, Лязга, Ляпа, Слота, Сорока, Тарабук(х)а, Хлус, Шабала, Шамша, Шоболда, Щека, *Щемела* и др.; 'сварливый человек' (43) — *Аргун, Базыка, Бунда, Бурундай, Бурчак, Верещага, Вязга, Дериба, Деряга, *Дудор(а), *Желвач, Желна, Звяга, *Карза, *Колтыря, Копос, Крюк, Левзонец, *Пестрик, Реняк, Рагоза, Севрюк, Стырко, Сувор, Шабан, Ярец* и др.; 'упрямый человек' (38) — *Брил, Бутора, Бык, Деряга, *Дубонос, Дуда, Дюк, Жила, Залом, Козел, Кокора, Корепан, Коряка, *Крен(ь), Лобан, *Обух, Пест, Рогач, Собина, *Стырко, Треста* и др.; 'живый человек' (37) — *Базло, Бухаря, *Вертячей, *Виранец, *Врач, Жегало, *Жегач, *Жегло, Жук, *Качало, Клепа, Колокол, Кондак, Лисица, Мутар, Мухлак, Намет, Огарок, Омут, Ошук, Пестрик, Прокуда, Хвост, Хлюст(а), Шило, Шипуля, Шильник, Шука, Юла* и др.; 'драчливый человек' (34) — *Бодун, Брыка, Бузуй, Бутак, *Буян, Войка, *Вьюша, *Горза, *Горзан, Деряга, *Жигляй, *Зажога, Заколупа, Зворыга, Карза, Клепа, *Кокша, Кокшак, Колупай, *Липач, Лупайко, *Мячко, Ошмара, *Талыза, *Тереб, *Урус, *Челок, Чупряк, Щолкан* и др. Такими же объемами являются группы 'бойкий человек' (22), 'непоседливый человек', 'медлительный человек', 'назойливый человек' (18), 'злой человек', 'жадный человек', 'плаксивый человек' (17), 'чванливый человек' (15), 'наглый человек', 'ветренный человек' (13), 'крикливый человек', 'угрюмый человек' (11). В остальные группы входит менее десяти прозвищ. Анализ прозвищ, указывающих на качества характера человека, показал, что особенности поведения человека в социуме были в центре внимания общества

XV—XVII вв. Реконструированные на базе данных групп прозвищ апеллятивы, входящие в различные группы семантического множества ‘морально-этические качества человека’, свидетельствуют о *существовании* в прошлом у жителей Карелии определенного *морального кодекса* перед собой и обществом. Нарушение правил поведения, этикетных норм общежития противопоставляли человека членам определенного социума и находили отражение в языке.

Следует отметить неоднозначность оценок. С одной стороны, отрицательные морально-этические качества лица часто контаминируются с физическими отклонениями от нормы: неаккуратность совмещает в себе внешнюю (нечистоплотность) и внутреннюю (расточительность, беспутность, неумение вести хозяйство, лень) характеристику человека. Однако о негативной оценке некоторых внешних данных можно говорить условно. Так, большелобый человек (*Лобан*) — это еще и умный человек, а старый (*Старой*) — мудрый человек. Взаимопроникновение оценок, невозможность их расчленения с лингвистической точки зрения демонстрирует некоторую виртуальность в выделении той или иной микрогруппы, а с онтологической — квалифицирует человека как *неоднозначное по своим внутренним и внешним особенностям явление*.

Полагаем, что призмой, через которую оценивали внешние и внутренние данные человека, было *отношение к труду*. Этот ведущий фактор участвует в оценке норм, выработанных в обществе, вынужденном коллективно трудиться, где вклад каждого и его физическая способность выполнять определенную работу явно ощущались и находили отражение в языке. Безусловно, трудолюбие, сметливость, расторопность, воздержанность, радушие, физическая сила считались нормой, а потому реже представлены в лексике апеллятивной и ономастической.

Отсутствие нейтральной зоны в описании человека, поляризация семантики, большой объем пейоративной лексики, запечатленной в прозвищах, дает возможность с достаточной степенью уверенности допустить: в отрицательной оценке разных качеств лица, в усиленном внимании к любым негативным характеристикам *содержится скрытый образ идеального во всех планах человека*, жившего на Руси в XV—XVII вв. Если представить шкалу норм, то условно она будет иметь следующий вид:

Самая большая зона связана с отрицательными оценками, ей противопоставляется значительно меньшего объема зона положительных оценок, между ними находится нейтральная, объем которой в данном случае стре-

мится к нулю, если вообще возможно ее видение, поскольку нейтральное и положительное можно приравнять друг к другу. В некоторой степени поиск идеального человека соединяется с теми ценностями, которые пропагандировало христианство, диктовавшее, каким должен быть человек, как он должен поступать.

В работе отмечается, что отдельные выявленные по данным исторической антропологии ценностные ориентиры могут и не быть общерусскими универсалиями или иметь другое количественное представление через прозвища регионального образа жизни, который характеризовался не типичными для всех русских особенностями жизнедеятельности, а сформировавшимися свойствами поведения, общения, мышления и прочими устоявшимися формами бытия человека на определенной территории в конкретное историческое время. Кроме того, для выявления потенциальных возможностей антропологии Карелии XV—XVII вв. в фиксации ценностных ориентиров необходимо учитывать взаимовлияние разноязычных народов, находящихся издревле в тесных контактах, что актуально для понимания этнопсихологических, этнокультурных систем, истории народа на данной территории. Пристальное внимание к отличительным признакам внешности и поведения человека в Карелии обусловлено особым отражением архетипического противопоставления «свой ~ чужой». В системе прозвищ наблюдается скрытое сравнение, когда особо вычленяются «свои» и «чужие» достоинства и недостатки, которые становятся заметными при соприкосновении с иной моделью поведения, образом жизни, системой ценностей (для русских это прибалтийско-финская, саамская, и наоборот). Важно и то, что в процессе общения, носившего мирный характер, русские видели не только свои положительные качества и чужое несовершенство, а как раз наоборот: свои изъяны и чужие достоинства. В данном случае через анализ основ именовании видится уважение, понимание, принятие мировоззрения и культуры других этносов.

Выявленная система ценностей представлена и в прозвищах с собственно русской или славянской основами, зафиксированных в шведских документах (Fedorko *Hråmoi*, Sdan *Kriwoi*, 1618; Filipko *Slepoi*, 1631; Степанко *Глухой* (Stepanka *Gluohai*), Софронко *Бурча* (Soffronka *Burtza*), 1637 и т. д.). Предполагаем, носителями подобных прозвищ в Кексгольме были в большей степени русские, возможно карелы, находившиеся до и после передачи данной территории Швеции в тесных отношениях с русским населением региона, такие имена могли функционировать в национально-смешанных русско-карельских семьях, в среде билингвов. Однако «русская» гипотеза видится более предпочтительной. Несмотря на оторванность от родной языковой системы, бывшие жители Корельского уезда в новом иноязычном, инокультурном, иноконфессиональном окружении продол-

жали создавать имена, этнически и культурно связанные с той ономастической системой, которая существовала в дошведский период. И потому функционирование прозвищ со славянской или русской основой — отражение продолжающегося в XVII в. «живого» процесса номинации лица по русскому образцу.

Помимо экспрессивной лексики, в составе прозвищ выделяются названия лиц, не имеющие коннотативной окраски. К ним относятся названия лиц по профессии, катойконимы, этнонимы. Прозвищ, восходящих к *названиям лиц по роду деятельности*, в документах Карелии XV—XVII вв. около 150 на более чем 500 носителей. Это свидетельство разнообразных профессиональных квалификаций внутри небольшого социума северного региона. Больше половины прозвищ (90) образованы от названий лиц по роду деятельности (*Бочевник, Бражник, Глинник, Гуртник, Дворник, Жерник, Замочник, Золотарь, Извозчик, Иконник, Лоточник, Медведник, Оконничник, Сальник, Санник, Седельник, Смольник, Стекольник, Таможник, Хлебник* и др.). Отсутствуют в исторических словарях: *Аргун* ('плотник'); **Багряч* ('рыболов, который багрит рыбу'); **Виранец* ('тот, кто шивает, соединяет полотнища сети' или 'тот, кто устанавливает подо льдом сети'); **Волшук* ('волшебник, колдун'); *Жиган*, **Жегач* ('рабочий-углежог'); *Зуй* ('мальчик 1215 лет, помогающий в море старшим, исполняющий мелкие поручения, юнга'); **Кожемяка* ('кожевник'); **Кухарь* ('мельничник'); **Кушник* ('содержатель кушни, лесной избушки для охотников, промысляющих птицу и дичь'); **Молеван* ('иконописец'); **Поварница* ('кухарь, приспешник, кухарка, приспешница, стряпуха, кто готовит кушанье, пищу'); **Трубач* ('трубочный мастер в солеварении'); **Шубарник* ('тот, кто изготавливал *шубари* — кожаные рукавицы); **Щанник* ('изготовитель чанов'); *Швец* ('тот, кто шьет лодки') и др. Вслед за Б. О. Унбегауном предполагаем, что в качестве профессий использовались названия продуктов труда: *Бочка, Ведро, Драница, Карбас, Коромысло, Корыто, Лагирь, Лопата, Лузика, Ступа, Шитик* и др.; одежды и обуви: *Башмак, Лапоть, Ногавица, Овчинка, Чебот, Шапка, Шуба, Шустик, Шушпан* и др.; продуктов питания: *Блин, Брага, Варенец, Каша, Кеж, Кисель, Коврига, Колюбака, Коровай, Курник, Масло, Рыбник, Сметана, Сусло, Сухарь, Сырник, Творог, Шаньга* и др.

Апеллятивные основы данной группы прозвищ могут рассматриваться в качестве сегмента лексико-семантического поля 'отношение человека к труду, трудовая деятельность'. Вместе с лексико-семантической группой 'трудолюбивый человек' такие слова противопоставляются различным негативным проявлениям, актуализированным в группе именованных, называющих ленивого человека. Чтобы закрепиться в прозвищах и сохраниться в патронимах / ойконимах, человек должен был выделиться в социуме своим несомненным мастерским умением делать что-либо лучше других,

чтобы именно с ним в социуме связывался определенный род деятельности, позволяющий названию профессии стать основой индивидуальной номинации. Кроме того, нейтральность названий лиц по профессии, закрепившихся в прозвищах, следует признать относительной. В пределах социума человек, обозначенный таким прозвищем, всегда воспринимался со знаком плюс.

Немногочисленной является группа прозвищ, восходящих к *названиям лиц по месту жительства*. Такие именованья мотивированы различными названиями мест Карелии (поселения, погосты, волости Обонежской и Водской пятин, Северного Поморья, Лопских погостов): *Андомец, Водлозерец, Выгозерец, Кемлянин, Кижанин, Кондопожанин, Мадлозерец, Обонежанин, Олончанин, Паданец, Падозер, Панозерец, Подужемец, Самозерец, Селжанин, Толвуянин, Шуеричанин, Шунжанин*; или географическими названиями других регионов: *Белозер(ец), Вологжанин, Двинянин, Золотичанин, Онежанин, Каргополец, Колмогорец, Москвитин, Нов(у)городец, Перславец*. Их основная информативная миссия — отражение процессов миграции населения, особого статуса места, из которого прибыл новый житель социума. Как и все рассмотренные выше группы прозвищ, катойконимы в составе прозвищ имеют «второе дно», могут рассматриваться с позиции «свой ~ чужой», где «чужой» как раз и представлен через название лица по местности.

Итак, через детальное рассмотрение мотивов именованья, через семантический анализ нарицательной лексики, зафиксированной в основе прозвищной номинации, можно определить систему ценностей, характерную для определенного региона (природу возникновения и значимость одних ориентиров перед другими), и прочие специфические ономастические аспекты, обусловленные положением края.

В главе 4 «**Календарные имена в ономастиконе Карелии XV—XVII вв. в новых парадигмах лингвистического знания**» рассматривается информативный ресурс календарных имен. Их особая связь с духовным миром человека, его ценностных ориентиров в картине мира могут быть выявлены через анализ всей совокупности адаптированного русского календарного ономастикона, относящегося к определенному региону в тот или иной период его истории. Для этого необходимо выяснить: 1) состав ономастикона региона / регионов, памятника / памятников письменности, в которых особое внимание следует уделить частотности / единичности имен, специфике формы воплощения антропонима в документе, возможной зависимости выбора имени и формы именованья лица от статуса именуемого; 2) особенности приспособления имен не только к русской языковой системе, но и — в ситуации межэтнических контактов — к региональным условиям; 3) характерные черты проявления этноязыковых взаимодействий в системе именованья.

Как и на всей территории Руси XV—XVII вв., христианский именник занимает в Карелии лидирующие позиции. Его функциональная «победа» представлена в деловой письменности XV—XVII вв. солидными показателями — 88,5 % всех русифицированных употреблений: по русским документам — 348 имен на 26918 носителей, по шведским — 201 имя на 10008 носителей. Причины «победы» обусловлены контаминацией внутриономастических и социальных факторов: 1) список дохристианских имен имел пределы, создавая тезоименность, на которую в нужное время и легли новые, пусть и семантически непонятные, христианские имена; 2) социальный мотив обусловлен авторитетом правящего класса, который под влиянием христианской Европы начал обращаться к новым именам еще до официальной даты Крещения Руси. Календарные имена проникли во все социальные сферы (крестьяне, бобылы, ремесленники и мастеровые, дворяне, земцы, священнослужители), их носителями было мужское и женское население края.

Анализ календарного ономастикона Карелии XV—XVII вв. с точки зрения активности заставил обратиться к методике, разработанной В. Д. Бондалетовым, которая заключается в определении так называемого среднего коэффициента одноименности (СКО), служащего атрибутом разнообразия именника. Результаты вычисления СКО даны ниже в таблицах.

Средний коэффициент одноименности в русскоязычных документах								
Тип документа	Писцовые книги					Дозор. книги		
Регион	Обонежье			Водская пятина	Лопские пог.	Акты		
Время	1496	1563	1582/83	1539	1568	1597	XVI	XVII
Количество именованый	187	279	267	63	193	153	226	249
Количество носителей имен	2280	8195	6338	271	3615	1490	1404	3104
СКО =	12	29	23	4	19	10	6	12

Средний коэффициент одноименности в шведских документах				
Время	Переписные и поземельные книги Кексгольмского лена			
	1590	1618	1631	1637
Количество именованый	68	167	175	168
Количество носителей имен	300	2519	4015	3174
СКО =	4	15	23	19

В идеале СКО должен равняться единице, в таком случае реализуется основная функция ономастической системы — индивидуализировать и идентифицировать субъект в ряду подобных. Однако в исследуемых документах выделяются имена, употребительность которых не просто равна СКО, но и превышает его в десятки раз. См. данные в таблице по Обонежью.

Список наиболее частотных имен в документах Обонежья XV—XVII вв.						
	1496		1563		1582/83	
1	Иван	196	Иван	882	Иван	623
2	Федор	103	Василий	405	Федор	307
3	Григорий	95	Федор	354	Василий	288
4	Василий	93	Григорий	288	Петр	248
5	Иаков	74	Семен	287	Григорий	204
6	Семен	61	Михаил	228	Семен	189
7	Степан	50	Иаков	221	Иаков	159
8	Михаил	47	Андрей	216	Михаил	158
9	Андрей	46	Тимофей	165	Андрей	135
10	Павел	40	Степан	151	Степан	126

Отметим, что список частотных календарных имен в Обонежье в целом совпадает с представленными показателями по другим регионам Карелии — Водской пятине, Лопским погостам, Кексгольму и в целом по Руси и свидетельствует *об универсальности данного процесса*: к указанному времени сложился базовый список имен, чаще других выбираемых для наречения, и отмечается его относительная закрытость. Становится очевидным, что ономастическая система, уходя от некалендарной тезоименности, пришла к тезоименности календарной. По подсчетам, большая группа именований равна или перекрывает СКО для всех субрегионов Карелии, а десять наиболее частотных имен обслуживают от 30 до 40 % именуемых. Это заставляет задуматься о причинах развитой тезоименности, среди которых назовем следующие:

1. Изначальная узость репертуара потенциальных календарных имен из-за отсутствия общепринятого месяцеслова до середины XVI в. Следовательно, и *отсчет «строгому» календарному именнику надо вести от этого времени.*
2. Трансляция крестьянским именником традиций, принятых княжеским сословием, в котором, несмотря на запрет одноименности в пределах семьи, отбирались имена по образцу династических, что, согласно исследованиям А. Ф. Литвиной и Ф. Б. Успенского, символизировало родовую цельность и стабильность, тем самым запечатлевалось представление о мире и преемственности внутри рода как о норме. Совершенно закономерно, что тезоименность в других социумах строилась по образу и подобию принципов имянаречения, принятых в княжеском обществе. Так, семья становилась своеобразным хранителем имени, способствуя усвоению слова из чуждого ономастикона, ср. примеры семейной тезоименности: «Дер. *Иванова* на горе: в ней *Ивашко Иванов*», п. Оштинский, 1582/83; «Дер. *Ивонкинская* в Ленакали: в ней *Иванко Иванкин*», п. Ровдужский,

1568; «Дер. на Сяко-озерке: в ней *Васко* Иванов да брат его *Васко* ж», п. Егорьевский в Коигушах, 1496; «Дер. на Тагжаме: ... в ней *Нестерик* да братья его, Терешко да *Нестерик*», п. Вытегорский, 1496 и др. (более 200 случаев в русских документах).

3. Календарное имя попадает в фольклорные тексты, где наиболее популярные / непопулярные имена обрастают разного рода коннотациями, влияющими на то, что полюбившиеся имена становились знаками христианской культуры.

Одновременно ономастическая система искала способы ухода от тезоименности. Одним из них является развитие структуры именования, чтобы через дополнительный идентификатор разграничить в социуме лица с одинаковыми именами. Другой способ — использование модифицированных форм именований. Именно они придавали своеобразию имени, переводили заимствованное имя в родную языковую стихию, отражая тем самым креативный потенциал русского народа. Соотношение основного списка официальных имен к списку модифицированных имен составляет приблизительно 1/5. Так, репертуар календарных имен Карелии XV—XVII вв., насчитывающий примерно более 350 антропонимических единиц, представлен более 1800 модификатами (частотные: *Иванко* — 1266, *Ивашко* — 663, *Сенка* — 563, *Васка* — 492, *Куземко* — 395, *Федко* — 325, *Тимошка* — 291, *Ондрейко* — 235, *Михалко* — 206, *Максимко* — 171, *Фомка* — 170, *Якушко* — 163, *Гридка* — 145 и т. д.). Крестьянский ономастикон выглядит в буквальном смысле именем модификатов, настолько полная форма была неактуальна для него. Арсенал средств антропоформантов, применявшихся для образования модификатов, достаточно широк (-к-, -ак-, -аш(а), -ек-, -ик-, -иц-, -ок-, -ош(к)-, -ук-, -ут-, -ух-, -уш(к)-, -хн-, -ш(а), -ш(к)-), они пришли из некалендарного, а еще ранее — апеллятивного, словообразования.

На фоне высокой тезоименности выделяется другая группа имен, отмеченная единичной или предельно низкой употребительностью. Это большая часть мужских имен священнослужителей и треть всех именований лиц женского пола: *Автоном*, *Акакий*, *Акатий*, *Акексим*, *Анфал*, *Анфилохий*, *Ардалион*, *Асклепиодот*, *Варух*, *Вениамин*, *Глеб*, *Далматий*, *Домнин*, *Измаил*, *Иосаф*, *Ипатий*, *Ипполит*, *Иринея*, *Ксенофонт*, *Леонид*, *Мавр*, *Макровий*, *Олимпий*, *Пафнутий*, *Полиевкт*, *Прасковья*, *Савин*, *Селиний*, *Феодорит*. Почти все они зафиксированы в Обонежье: в южных погостах Карелии XV—XVII вв. между Ладожским и Онежским озерами. Таким образом, оказывается, что территория Межозерья — это та граница, за которой распространились только имена, являющиеся ядром православной ономастической системы. Предполагаем, что причинами служили: 1) периферийное положение Карелии, где требовалось больше времени для вхождения в систему новых явлений; 2) возможно, сыграла свою роль

прибалтийско-финская языковая основа: при ее наличии усваивались по преимуществу наиболее адаптированные в русской языковой среде изучаемого времени календарные имена.

Единичность женских имен обусловлена известными социальными факторами, связанными с положением женщины в обществе. Поэтому выстроить объективную картину женского ономастикона и дать ему должное описание достаточно сложно. В статистическом плане документы на русском языке содержат 50 женских имен на 382 носительницы; в шведских памятниках соответственно отмечено 21 имя на 39 лиц женского пола. Лишь небольшая часть женских имен проходит показатель СКО (в порядке убывания): *Мария* (38), *Евдокия*, *Марфа* (35), *Ксения* (23), *Екатерина* (20), *Ирина* (19), *Анна*, *Агафья*, *Матрона* (15), *Ефимия* (14), *Акилина*, *Татьяна* (11), *Анастасия* (10). Остальные имена: *Анисья*, *Аносья*, *Афанасия*, *Доминика*, *Елизавета*, *Зиновия*, *Ираида*, *Кристина*, *Маримьяна*, *Фекла*, *Фетиния*, также *Александра*, *Евгения*, *Иулита*, *Лукерия*, *Пелагея*, *Прасковья*, *Феодора*, *Юстина* имеют 1—3 употребления.

Носителями строгих канонических форм имен являлись священнослужители разных рангов. Всего около 150 именованных на примерно 550 носителей. Имена лиц высшего духовного сословия разнились от именованных низших клириков, последние часто были местными жителями, именной репертуар которых и формы отражения в текстах документов практически не отличались от крестьянского, мастерового и другого, близкого к указанным сословиям населения. Имена высшей, средней и первой степени церковной иерархии имели значительные отличительные особенности по сравнению со светским ономастикомом (в широком смысле слова). Такие имена отмечены только в полной форме: *Авфоний*, *Василист*, *Галасий*, *Еупла*, *Илинарх*, *Калистрат*, *Климентин*, *Левкий*, *Созомонт*, *Феопомт*, *Флавиан* и др. Отдельные имена практически не встречались вне церковного сообщества, что свидетельствует об особо сформировавшемся списке именованных представителей церкви, с помощью которого священнослужители дистанцировались от мирского социума.

Что касается мотивационного аспекта, то следует сказать, что календарные имена также имеют мотивационную парадигму этнокультурного плана. Помимо связи со святым, в честь которого выбирается имя ребенку и задается жизненный путь развития личности, у христианских имен, кажется, можно видеть ту же охранную функцию с мотивом 'чужой', которая могла влиять на их вхождение в систему русского имянаречения.

Таким образом, календарные имена иноязычного происхождения массово становятся достоянием русской ономастической системы и культуры. Номинация лица календарным именем, как и некалендарным, — это ритуал, но ритуал христианский, обусловленный обрядом крещения. Уже то, что эти

имена к XV—XVII вв. адаптировались на всех языковых уровнях русской ономастической системы и функционально превосходили дохристианский антропонимикон, яркая примета смены парадигмы верований, изменения сознания и системы культурных ценностей многоэтнического народа Руси.

В главе 5 «*Отражение процессов этнического взаимодействия в антропонимиконе Карелии XV—XVII вв.*»² анализу подвергается ономастикон региона с точки зрения представления в нем именовании с неславянскими основами. Сначала рассматриваются вопросы славяно-прибалтийско-финского антропонимического диалога. Далее следует обращение к тюркским именованию, бытование которых в Карелии репрезентирует историко-культурные отношения в масштабах Руси. Определяются состав неславянских именовании и их место в этнокультурной ономастической картине региона.

Прибалтийско-финские антропонимы на общем фоне ономастикона Карелии XV—XVII вв., представленного по преимуществу русифицированными календарными или славянскими по апеллативной базе именами, — яркая характеристика присутствия на данной территории финно-угорского населения. Именно оно является носителем антропонимов с формальными и генетическими прибалтийско-финскими маркерами. Не исключается, что такие именовании употреблялись и в национально-смешанных семьях, в среде билингвов, а при глубоком вхождении заимствованной апеллативной основы в русскую лексическую систему могли являться составной частью русского именника. Именно прибалтийско-финские, саамские именовании являются показателем того, что территория Карелии издревле являлась полиэтническим регионом. Всего по письменным источникам Карелии фиксируется более 700 единиц номинации на более чем 1800 употреблений. В процентном отношении в ономастической системе региона это примерно 2,5 %. Невысокие статистические данные служат подтверждением предположения о роли писцов в намеренном искажении фактов номинации лица. Поэтому ценность каждой фиксации такого материала высока.

Тесные славяно-прибалтийско-финские контакты проявляются на всех языковых уровнях: на фонетическом уровне через антропонимы отражено вхождение и усвоение нехарактерных для русского языка сочетаний звуков; на морфемном — включение в систему имен нетипичных для обеих языковых систем формантов (Ваккуй, Кавгуев, Пугнуев, Лимбака, Румпин, Конжоев, Гебяпяев, Кюрзов, Хидоев и др.); на грамматическом — онимы с заимствованными основами входили в систему славянского формоизменения; на ономастическом — создание смешанных «гибридных» структур именовании (*Минкуй Кузьмин, Юшко Клиппуев, Иванко Гойкула, Алкой Артуев, Лулак Лукин, Кубас Кошелев, Шойкуй Конан, Истомка Речкуй* и др.).

² Выражаю признательность И. И. Муллонен за помощь в работе над некоторыми вопросами, представленными в данной главе.

Славянское миссионерство послужило причиной не только принятия христианства, но и введения в ономастикон карелов, вепсов, финнов, саамов не католического календарного фонда, а уже адаптированного в русской ономастической системе православного именника, в ряде случаев дополнительно переработанного финно-угорскими языками. Имена типа *Вачной, Гавшуй, Ермуй, Мартой, Мелойко, Миккуй, Минкуй, Мичюй, Онкуй, Панной, Прокуй*, оформленные суфф. *-уй, -ой* — это единичные употребления, еще раз подтверждающие гипотезу вмешательства писцов в номинацию человека. Доказательством служит использование таких имен в качестве основ образования многочисленных патронимов и посессивных ойконимов (*Антуевская, Гаптуев, Демуев, Ларюевская, Лахкуев, Терруев* и др.).

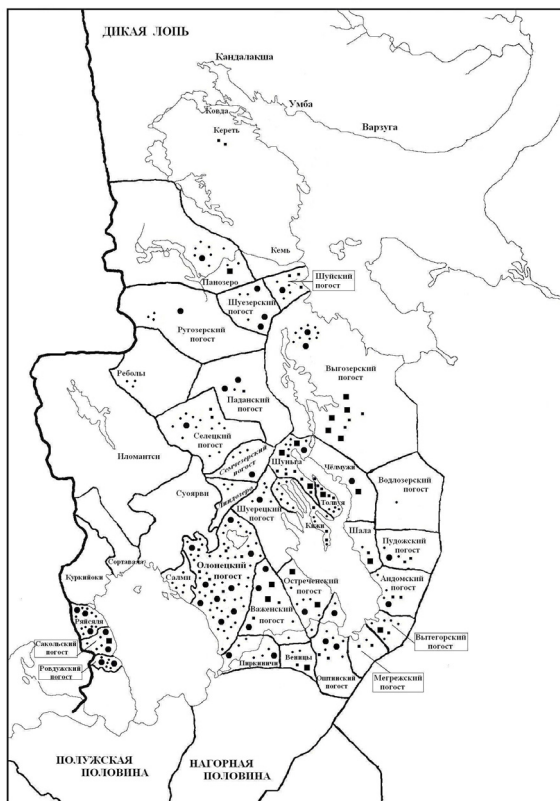
Без сомнения, переплетение этносов, отразившееся в антропонимической системе, начинается на апеллятивном уровне. Так, в основах прозвищ фиксируются прибалтийско-финские, саамские апеллятивы, принятые в систему русских говоров Карелии. Ср.: прозвище *Алажма* и апеллятив *алажма* в русских говорах — это 'печь, устанавливаемая на лодке' белом., арх. ← карел., фин. *alus* 'основа', 'подкладка', 'подставка', вепс. *aluz* 'то же'. Подобным образом антропонимы *Гуйка, Карбас, Кережа, Кубас, Кубач, Лембой, Мянда, Ригача, Тинда, Шалга* и т. д. (76 случаев). Прежде всего русские заимствовали не известные им ранее названия предметов, явлений, промыслов, животных. Адаптация этих заимствований соотносится со временем вхождения их в лексическую систему принимающего языка. Сами индивидуальные номинации, имеющие неславянскую основу, — достояние русской и прибалтийско-финской антропонимической систем. В функциональном плане они сближаются с прозвищами, имеющими славянскую или неславянскую основу. Распространены они практически по всей территории бывшей Карелии. Однако чаще всего подобные имена отмечаются в Заонежских погостах, в западной и южной частях Карелии. Носителями таких имен могло быть как русское, так и прибалтийско-финское население края.

В плане адаптации эта группа антропонимов противостоит собственным именам, которые восходят к апеллятивам, не вошедшим в русский лексикон, ср. *Вайгач, Гангоня, Гимой, *Гукой, *Гютттой, *Ихала, Куйва, *Мустой, Товкой, Ускаль, Ускаликь* и т. д. (109 случаев). Анализ основ именовании с прибалтийско-финской основой показал, что мотив отражал морально-этические, физические характеристики человека, его социальное положение, род деятельности, местожительство, то есть все те универсальные характеризующие мотивы номинации человека, которые свойственны любому ономастикону. Поле функционирования этих антропонимов — финно-угорский социум (карелы, вепсы, саамы). А потому статус таких номинаций не только прозвища, но и, возможно, личные имена, как *Игала, Гьмуй, Гювиш, Новзей*, известные с древности и сохранившиеся в письмен-

ных источниках Карелии исследуемого периода. Примеров с неадаптированными русским языком апеллятивами в основах антропонимов почти в 1,5 раза больше среди прозвищ и в 3 раза — среди патронимов, нежели таких, которые стали элементами русской лексической системы.

Анализ области распространения финно-угорских именовании показывает, что: 1) антропонимы с освоенными русским языком апеллятивами единичны в Лопских погостах, отсутствуют на Карельском перешейке, что дает возможность характеризовать эту зону как преимущественно неславянскую; 2) эпизодичные фиксации, отмеченные в Водлозерском погосте, возможно, свидетельствуют о сильном славянском влиянии; 3) достаточно плотное прибалтийско-финское антропонимическое «покрытие» Шунгского, Толвуйского погостов является подтверждением, что данный аре-

Распространение антропонимов с прибалтийско-финскими основами

- — освоенные русским языком апеллятивы, зафиксированные в прозвищах
- — освоенные русским языком апеллятивы, зафиксированные в патронимах
- — не освоенные русским языком апеллятивы, зафиксированные в прозвищах и личных именах
- — не освоенные русским языком апеллятивы, зафиксированные в патронимах

ал — особое переплетение языков, культур, отраженное в различных фактах (не только ономастических); 4) преимущественная концентрация прибалтийско-финских патронимов наблюдается практически по всем погостам. Следовательно, прозвищная и именная базы были более мощными, чем это представлено в текстах исследуемых документов.

Таким образом, прибалтийско-финские именованья, зафиксированные в деловой письменности Карелии XV—XVII вв., — составное звено регионального ономастикона, которое, несмотря на неполноту представления, обусловленную экстралингвистическими причинами, создает именнику особый колорит через проникновение в неславянский социум календарных русифицированных имен, через соединение в структуре номинации лица единиц с различным структурным и базовым генезисом, образующих различные гибридные модели именованья человека. Контаминация именников наиболее четко проявляется на территориях, на которых происходили многовековые этнические переплетения, позволившие лексемам адаптироваться в языковой системе региона и, как следствие, найти отражение в ономастике.

Наиболее полно процессы этнического взаимодействия могут быть продемонстрированы на примере анализа определенной тематической группы, апеллятивные единицы которой находим в основах антропонимов. В работе выбрано одно из наиболее многочисленных ономастических полей, восходящих к названиям животных, или зоантропонимам, которые имеются в системах именованья многих народов мира и признаются древнейшей ономастической универсалией, возникшей в эпоху тотемизма, анимализма и зоолатрии, когда через имя происходило слияние личности с природой, что обуславливало представления о природе имени в далеком прошлом.

Список зоантропонимов, бытующих в письменных документах Карелии XV—XVII вв., следует признать достаточно широким. Вместе со шведскими материалами по Кексгольму насчитывается более 200 названий животного мира, которые отмечены в основах именованья жителей Карелии XV—XVII вв. (см. статистику в таблице).

	Документы, составленные	
	русскими писцами	шведскими писцами
Животные	58 названий в основах 270 антропонимов	21 ↔ 173
Птицы	57 ↔ 169	22 ↔ 126
Рыбы	17 ↔ 68	7 ↔ 46
Насекомые	13 ↔ 37	4 ↔ 18
Прочие	6	-
Всего	151 ↔ 550	55 ↔ 363

Выстаиваемая в соответствии со статистикой зоонимическая «парадигма» отражает прежде всего иерархию животных в картине мира в древности, их роль в жизни народа, населявшего определенную территорию, то мифологическое сознание, сохранившееся в различных элементах в более позднее время и, вероятно, повлиявшее на последующие переосмысления разных признаков животных, связанных с переносом *животное* → *человек*.

Этноязыковые контакты наиболее полно представлены в русскоязычных документах, что доказывается примерами типа *Лисица / Ребуев* (фин., карел. *repo*, карел., вепс. *reboi* 'лиса'; *Жеравлев / Кургин, Кургач, Кургоев* (фин., карел. *kurki* 'журавль', карел. *kurgi*, вепс. *kuřg*); *Гуйкиев* (фин., карел. *kuikka* 'гагара', карел. *guikka, guikk*); *Тиккель* (ср. фин., карел. *tikka, tikku* 'дятел'); *Музуй* (ср. фин. *muhju* 'мелкий окунь'). Подобные именованья содержат документы Кексгольмского лена (*Repäi, Kuikanen, Tickui, Tickele, Kurki, Muhie* и др.). Шведские документы позволяют полнее увидеть совпадающие элементы в разноэтнических ономастиконах, ср. *Волк / Susi, Выдра / Saukoin, Жеребец / Warsu, Заяц / Jänis, Медведь / Karhu, Собака / Hurtanen, Ворона / Wariss, Кулик / Wilkunen, Синица / Tiainen, Сокол / Науска, Утка / Sorssa, Ерш / Kijskin, Жук / Pörö, Комар / Hyttinen, Муха / Kärpänen* и др. Такие примеры являются подтверждением того, что ономастические системы накладывались друг на друга, давая эффект интерференции и усложнения. Однако фиксация зоонимов в основах антропонимов, отраженная именно в русских документах, — свидетельство того, что и языковая система, и сознание жителей региона в исследуемое время оказались открытыми в плане заимствования, готовыми и терпимыми к принятию фактов разных культур, их активному переосмыслению.

XV—XVII вв. — это еще и время, в которое развились и закрепились новые ориентации в выборе мотива именованья, возникшие на основе древней сложной мотивационной природы зооантропонимов и имен собственных, подобных им. Доказательством может служить частотность зооименований. Так, анализ списков антропонимов показал, что в русскоязычных документах в основах именованья «лидируют» такие названия животных: *баран* (25 употреблений), *волк* и *судок* (по 24), *заяц, медведь* (по 16), *ерш, козел* (по 15), *бобр, бык, зуй* (по 12), *кот, кукой (kukka 'петух'), лисица* (по 11), *кошка* (10). Именно эти имена функционируют в текстах памятников письменности в качестве личных именованья, составляя с некоторыми другими некалендарными именами собственными конкуренцию календарным именам. Частотность наиболее «культурноносных» зоонимов, шедшая отражение в прибалтийско-финском ономастиконе в русских и шведских документах, несмотря на ряд совпадений, иная: *härkä* (бык) — 31, *kurki* (журавль), *kuikka* (гагара) — 24, *kettu* (лисица), *karhu* (медведь) — 20, *hirvi* (лось), *kiiski* (ерш) — 16, *saukko* (выдра) — 15, *orava* (белка), *tikka* (дятел) — 14, *susi*

(волак) — 13, *hyttynen* (комар), *kukko* (петух) — 11, *ahven* (окунь) — 10, что говорит о разном видении исследуемого фрагмента языковой картины мира у разных этносов, о разной роли тех или иных представителей животного мира в жизни народа, населявшего определенную территорию.

Предполагаем, что чем чаще имя отмечено в документах, тем более сложным мотивационным набором оно обладало (от древних языческих до характеризующих). Если говорить о конкретном, но все же гипотетическом мотиве именованного, то он амбивалентен: следует назвать охранную и одновременно пожелательную функцию у таких имен в обоих ономастических. Практически за всеми антропонимами стоит или большое сильное животное — защитник именованного; или животное из нижнего мира злых духов, обитающих на небе, на земле, в воде, под землей, а следовательно, те же мотивы наречия актуальны. Менее вероятными видятся древнейшие мотивы, связанные с тотемизмом, хотя, основываясь на данных фольклористов, этнолингвистов, и такие мотивы могли быть, но их номинативная востребованность для указанного не является актуальной. Безусловно, к указанному времени зооантропонимы получили другой мотивационный оттенок, характеризующий внешние или внутренние качества человека и, вероятно, другие особенности имянаречия. Иначе невозможно объяснить такое большое количество антропонимов с названием животного в основе. Ср.: в русскоязычных документах Карелии XV—XVII вв. отмечено достаточное количество имен собственных, имеющих фиксацию менее 10 употреблений в основах антропонимов (в порядке убывания): *Воробей, Жук, Комар, Лебедь, Лунь, Сокол, Сорока, Щука* и др., еще реже *Басарга, Бучень, Гагара, Гусь, Кобель, Коза, Коптала, Корова, Кряква, Лось, Мошник, Мураш, Паскач, Рак, Свинья, Сиг, Синица, Соболь, Сорка, Строка, Таракан, Тетера* и др. Более 50 имен являются единичными: *Курица, Лох, Паук, Потка, Снегирь, Сом, Чиж, Щегол* и др. Представляется сомнительным, что многие из перечисленных антропонимов имели мотивы, связанные только с языческими верованиями.

Итак, являясь языковой универсалией, зооантропонимы регионального ономастического по-разному отражают видение разными народами этнокультурного пространства. При совпадающих компонентах зоонимической парадигмы, зафиксированных в основах антропонимов, вычлениваются специфические для сознания каждого народа именованного и группы антропонимов с названием животного в основе, через которые кодируются не только знания о разных именах-оберегах или именах-пожеланиях, но и вера в силу имени. Помимо этого, такие имена — это свидетельства расширяющейся мотивационной парадигмы имени, это имена-характеристики, появившиеся по метафорической модели, дающие оценку денотату, подтверждающая развитие новых мотивационных признаков и перевода известное ранее лич-

ное имя в другой ономастический разряд — разряд прозвищ. Как следствие, наблюдается изменение взглядов наших предков на картину мира.

Другая группа неславянских по происхождению именовании, отмеченная в деловой письменности Карелии XV—XVII вв., — *антропонимы, имеющие тюркские основы* (около 100 антропонимических единиц на примерно 240 носителей). Территориально они фиксируются в местах преимущественного проживания русских. Невысокая частотность именовании, которые можно включить в тюркскую группу, обусловлена тем, что на данной территории не было прямых контактов с тюркским населением. Обращает на себя внимание следующая черта: большая часть «тюркских» антропонимов зафиксирована в основах патронимов (*Букримов, Казатулов, Кутузов, Салтыков, Хазаров, Сабуров, Тургенев* и др.). Поэтому можно говорить, что часть тюркской именной базы не была актуальна для антропонимикона Карелии. Их носителями были как представители «статусных» сословий: церковные служащие, писцы, помещики, земцы, не являвшиеся в ряде случаев постоянными жителями Карелии, так и постоянные жители края — крестьяне, мастеровые, бобыли (57 антропонимических единиц на 130 носителей). Именно антропонимы местных жителей представляют особый интерес для исследования функциональных особенностей, вопросов интерференции иноязычных имен в региональном ономастиконе, для объяснения мотивов номинации лица тюркским именем. Вопрос об истории вхождения таких именовании в периферийный ономастикон, не связанный пограничными контактами с тюркским населением, следует оставить открытым. Возможно, эти имена заимствовались в систему именовании через ростово-суздальскую антропонимию. Однако в этом случае ожидалось бы большее количество именовании в восточных погостах Карелии, которые в большей степени испытали влияние ростово-суздальской миграции.

Антропонимы с тюркской основой, отмеченные в крестьянском социуме, функционировали или как личное имя, или как прозвище. Формальным критерием разграничения считается позиция антропонима в структурной модели именовании (по отношению к патрониму и прочим единицам номинации лица). В постпозиции такие антропонимы выполняют функцию прозвища: Огафонко Ларивонов *Булат*; Гаврило Григорьев сын *Бухаря*; Иванко *Чумбур* и др. В препозиции антропонимы с тюркской базой приравниваются к личному имени: *Шаранко* Иванов; *Берсень* Ефимьев; *Булгачко* Созонов и под. Дополнительным критерием того, что перед нами личное имя, является использование экспрессивных формантов: *Казаринко, Муратко, Ташлычко, Чубарко* и т. д. В этом случае они уподобляются календарным модификатам (*Иванко, Ондрейко* и др.) или исконно русским некалендарным личным именам (*Баженка, Вешнячко* и др.). Еще раз находит подтверждение предположение особого отношения родителей к ре-

бенку. Следовательно, мотив именования, близкий к значению тюркского апеллятива, вряд ли можно учитывать в полной мере. Думается, за тюркскими именами могла стоять охранная функция, обусловленная мотивом 'чужой', что дает возможность поставить данную группу имен в один функциональный ряд с календарными именами.

Таким образом, получается, что тюркская антропонимия, представленная в ономастике Карелии, отражает в большей степени процесс трансференции, нежели интерференции. Если процессы интерференции в прибалтийско-финском ономастике выявляются еще на апеллятивном уровне, их рефлексy отмечены в русских говорах Карелии и сопредельных областях, они актуальны именно для Карелии, то у тюркского именника такая связь с апеллятивным материалом имеет не региональный, а более широкий — общерусский — характер, при этом в ономастике края в большей степени «мигрировал» антропоним, ставя тюркское именование в охранный мотивационный «чужой» ряд.

В *Заключении* обобщаются результаты исследования антропонимического материала, зафиксированного в памятниках письменности Карелии XV—XVII вв. В частности, отмечается, что включение антропонимов в новые парадигмы лингвистического знания оказалось более чем перспективным: они являются максимально культуросносными единицами языка. Более того, антропонимы в этом ряду занимают одну из самых предпочтительных позиций, так как они не только знаки духовной культуры, но и те элементы, которые теснее других языковых единиц связаны с человеком и репрезентируют через его индивидуально-идентифицирующую номинацию универсальный опыт, имеющий духовное, интеллектуальное, культурное содержание. Более того, особую актуальность в изучении когнитивно-антропоцентрических, этнолингвистических, аксиологических подходов имеет антропонимия, зафиксированная в периферийных, полиэтнических, трансграничных регионах донационального периода, поскольку именно антропонимы зачастую являются теми единственными компонентами, которые несут недостающую информацию о жизни человека в прошлом, взаимоотношениях в обществе, приоритетах в духовной жизни наших предков. Как следствие, это позволяет включить антропонимический материал в широкую полосу сопоставлений: центр — периферия, свой — чужой, универсальное — специфическое, логически совпадающих с целями, обозначенными в диссертации и обуславливающими перспективу дальнейших исследований в данной области.

Основные положения диссертации отражены в публикациях:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных Перечнем ВАК РФ

1. *Кюршунова, И. А.* Двусловные антропонимы в ономастиконе памятников XV—XVII вв. [Текст] / И. А. Кюршунова // Научный диалог. — Екатеринбург, 2017. — № 2. — С. 57—74 (ERIH PLUS).
2. *Кюршунова, И. А.* К вопросу о семантике антропонимов (на материале памятников письменности Карелии XV—XVII веков) [Текст] / И. А. Кюршунова // Учен. зап. Петрозав. гос. ун-та. Сер. Обществ. и гуманитар. науки. — Петрозаводск, 2016. — № 7, т. 1. — С. 62—66.
3. *Кюршунова, И. А.* Антропоцентрический аспект семантико-мотивационной реконструкции региональной исторической антропонимии [Текст] / И. А. Кюршунова // Научный диалог. — Екатеринбург, 2016. — Вып. 59, № 11. — С. 54—75 (ERIH PLUS).
4. *Кюршунова, И. А.* Тюркское имя в антропонимиконе Карелии XV—XVII вв. [Текст] / И. А. Кюршунова // Вестн. Костромского гос. ун-та. — Кострома, 2016. — Т. 22, № 5. — С. 149—155.
5. *Кюршунова, И. А.* Структура именования лица в памятниках письменности Карелии XV—XVI вв. (модели именований) [Текст] / И. А. Кюршунова // Учен. зап. Петрозав. гос. ун-та. Сер. Обществ. и гуманитар. науки. — Петрозаводск, 2016. — № 7, т. 2. — С. 62—69.
6. *Кюршунова, И. А.* Антропонимы-мифологемы в региональном ономастиконе XV—XVII веков [Текст] / И. А. Кюршунова // Научный диалог. — Екатеринбург, 2016. — Вып. 58, №10. — С. 54—69 (ERIH PLUS).
7. *Кюршунова, И. А.* Этапы исследования региональных ономастиков в вузовской практике [Текст] / И. А. Кюршунова // Русский язык в школе. — 2016. — № 11. — С. 60—64.
8. *Кюршунова, И. А.* Шведские документы донационального периода как источник исследования русской антропонимии Карелии [Текст] / И. А. Кюршунова // Вопросы ономастики. — Екатеринбург, 2016. — Т. 13, № 2. — С. 87—111 (Scopus).
9. *Кюршунова, И. А.* Прибалтийско-финские и саамские именования как компоненты антропонимической системы Карелии XV—XVII вв. [Текст] / И. А. Кюршунова // Учен. зап. Петрозав. гос. ун-та. Сер. Обществ. и гуманитар. науки. — Петрозаводск, 2016. — № 5. — С. 64—72.
10. *Кюршунова, И. А.* Колмак, Колмач... [Текст] / И. А. Кюршунова // Русская речь. — 2013. — № 2. — С. 119—124.
11. *Кюршунова, И. А.* Календарные имена средневековой Карелии в когнитивном аспекте [Текст] / И. А. Кюршунова // Вопросы ономастики. — Екатеринбург, 2013. — № 2 (15). — С. 108—127.
12. *Кюршунова, И. А.* Антропозоонимы в полиэтническом пространстве Карелии XV—XVII вв. [Текст] / И. А. Кюршунова // Учен. зап. Петрозав. гос. ун-та. Сер. Обществ. и гуманитар. науки. — Петрозаводск, 2013. — № 7, т. 2. — С. 43—49.
13. *Кюршунова, И. А.* К проблеме внутренней формы некалендарных личных имен (по памятникам русского средневековья) [Текст] / И. А. Кюршунова //

- Вестн. Дагестан. гос. ун-та. Филол. науки. / И. А. Кюршунова. — Махачкала, 2012. — Вып. 3. — С. 75—79.
14. *Кюршунова, И. А.* Некалендарные личные имена и их когнитивный потенциал в средневековом региональном ономастиконе [Текст] / И. А. Кюршунова // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. Сер. 9, Филология. Востоковедение. Журналистика. — Санкт-Петербург, 2012. — Вып. 3. — С. 103—108.
 15. *Кюршунова, И. А.* Реконструкция портрета русского человека в языковой картине мира по данным исторической региональной антропониимии [Текст] / И. А. Кюршунова // Вестн. Костромского гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. — Кострома, 2007. — № 13: спец. вып. к 70-летию проф. Н. С. Ганцовой. — С. 184—189.
 16. *Кюршунова, И. А.* Ценностные ориентиры русского человека сквозь призму имени собственного (по материалам региональной антропониимии XV—XVII вв.) [Текст] / И. А. Кюршунова // Jezikoslovni zapiski. — Ljubljana, Slovenija, 2015. — Вып. 21, № 1. — С. 153—176. (Scopus)

Монография

17. *Кюршунова, И. А.* Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-западной Руси XV—XVII вв. [Текст] / И. А. Кюршунова. — Санкт-Петербург : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2010. — 672 с.

Другие публикации

18. *Кюршунова, И. А.* К проблеме картографирования материалов исторической антропониимии [Текст] / И. А. Кюршунова // В созвездии слов и имен : сб. науч. ст. к юбилею Марии Эдуардовны Рут / редкол.: Е. Л. Березович (отв. ред.), Т. Н. Дмитриева, Н. В. Кабинина [и др.]. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. — С. 560—577.
19. *Кюршунова, И. А.* Ареальный аспект исследования антропониимии Кексгольмского лена (XVI—XVII вв.) = Areal aspect of anthroponymy reserch in the Kexholm len (16th—17 th centuries) [Текст] / И. А. Кюршунова // Россия и страны Северной Европы: физ. и символ. границы = Russia and the Countries of Northern Europe: Physical and Symbolic Borders : сб. ст. V Киркенесского междунар. семинара историков / Петрозав. гос. ун-т [и др.]; отв. ред. С. Г. Веригин. — Petrozavodsk ; Kirkenes, 2016. — С. 26—33.
20. *Кюршунова, И. А.* База данных по исторической антропониимии как ономастический тезаурус [Текст] / И. А. Кюршунова, О. В. Черняков // Третьи Громовские чтения. Живое народное слово и костромской край : сб. материалов и иссл. междунар. науч. конф, Кострома, 7—9 нояб. 2016 / КГУ им. Н. А. Некрасова; отв. ред. Н. С. Ганцовская. — Кострома, 2016. — С. 401—407.
21. *Кюршунова, И. А.* Особенности имянаречения в ономастиконе полиэтничного региона (по памятникам письменности Карелии XV—XVII веков) [Текст] / И. А. Кюршунова // XI Конгресс антропологов и этнологов России : сб. материалов, Екатеринбург, 2—5 июля 2015 г. / ИЭА РАН, ИИиА УрО РАН; отв. ред.: В. А. Тишков, А. В. Головнев. — Москва ; Екатеринбург, 2015. — С. 249.
22. *Кюршунова, И. А.* Памятники письменности Карелии XV—XVII вв. как источник изучения региональной антропониимии [Текст] / И. А. Кюршунова // EuroNorth2014 : материалы междунар. форума «Классический университет

- в пространстве трансграничности на Севере Европы: стратегия инновационного развития», Петрозаводск, 4—13 дек. 2014 г. / ПетрГУ; отв. ред. О. Ю. Дерbeneва. — Петрозаводск, 2014. — С. 188—189.
23. *Кюршунова, И. А.* Отражение процессов этнического взаимодействия в антропонимике Карелии донационального периода [Электронный ресурс] / И. А. Кюршунова // CARELiCA : науч. электрон. журн. / ПетрГУ. — Электрон. ст. — Петрозаводск, 2014. — № 1(11). — С. 22—30. — URL: [http://carelica.petrstu.ru/CARELiCA_/1_2014_\(11\)/Articles/Entries/2014/6/4_OTRAZENIE_PROCESSOV_ETNICESKOGO_VZAIMODEJSTVIA.html](http://carelica.petrstu.ru/CARELiCA_/1_2014_(11)/Articles/Entries/2014/6/4_OTRAZENIE_PROCESSOV_ETNICESKOGO_VZAIMODEJSTVIA.html).
 24. *Кюршунова, И. А.* О некоторых проблемах исторической антропонимической лексикографии [Электронный ресурс] / И. А. Кюршунова // CARELiCA : науч. электрон. журн. / ПетрГУ. — Петрозаводск, 2013. — № 1 (10). — С. 139—154. — URL: http://carelica.petrstu.ru/CARELiCA_/Concept.html. — ISSN 2310-6476.
 25. *Кюршунова, И. А.* Когнитивный потенциал региональной антропонимической системы (по материалам памятников письменности средневековой Карелии) [Текст] / И. А. Кюршунова // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы II Междунар. науч. конф., Екатеринбург, 8—10 сент. 2012 г.: в 2 ч. / Урал. ун-т; отв. ред. Е. Л. Березович [и др.]. — Екатеринбург, 2012. — Вып. 1. — С. 114—116.
 26. *Кюршунова, И. А.* Зооморфное имя как объект когнитивной лингвистики [Текст] / И. А. Кюршунова // Когнитивная лингвистика и языковая личность : тез. докл. Междунар. науч. конф., посвящ. памяти акад. Г. Г. Гамзатова, 15—17 окт. 2012 г. / ДНЦ РАН, Ин-т яз., лит. и искусства им. Г. Цадасы. — Махачкала, 2012. — С. 33—34.
 27. *Кюршунова, И. А.* Anthroponymics of Medieval Karelia in the Cognitive Aspect [Текст] / И. А. Кюршунова // ONOMASTIC INVESTIGATIONS: International Scientific Conference to commemorate the 100th anniversary of Vallija Dambe (1912—1995), Latvian onomastician, 10—12 May, 2012: abstracts / University of Latvia Agency Latvian Language Institute Akademijas laukums. — Riga, 2012. — С. 25—26.
 28. *Кюршунова, И. А.* Некалендарный именник как источник этнолингвистической информации [Текст] / И. А. Кюршунова // IX Конгресс этнографов и антропологов России : тез. докл., Петрозаводск, 4—8 июля 2011 г. / Карел. науч. центр РАН; отв. ред. В. А. Тишков. — Петрозаводск, 2011. — С. 503.
 29. *Кюршунова, И. А.* Сбор и обработка антропонимических материалов [Текст] / И. А. Кюршунова // Методика полевых работ и архивное хранение фольклорных, этнографических и лингвистических материалов : материалы науч.-практ. семинара, Петрозаводск, 23—24 марта 2009 г. / Карел. науч. центр РАН; отв. ред. В. П. Кузнецова. — Петрозаводск, 2009. — С. 114—126.
 30. *Кюршунова, И. А.* О реконструкции лексики по данным исторической антропонимии [Текст] / И. А. Кюршунова // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы междунар. науч. конф., Екатеринбург, 8—12 сент. 2009 г. / Урал. ун-т; под ред. Е. Л. Березович. — Екатеринбург, 2009. — С. 153—155.
 31. *Кюршунова, И. А.* Об антропонимическом исследовании Заонежья [Текст] / И. А. Кюршунова // Рябининские чтения — 2007 : материалы V науч. конф. по изучению народ. культуры Рус. Севера / Гос. ист.-архитектур. и этногр. музей-

- заповедник «Киж»; [редкол.: Т. Г. Иванова (отв. ред.) и др.]. — Петрозаводск, 2007. — С. 235—238.
32. *Кюршунова, И. А.* Антропонимы в документах Кексгольмского лена XVI—XVII вв. как отражение межъязыковой коммуникации [Текст] / И. А. Кюршунова // Язык и культура : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию проф. Л. В. Савельевой / [редкол.: Н. А. Бурдюгова (науч. ред.) и др.]. — Петрозаводск, 2007. — С. 154—158.
 33. *Кюршунова, И. А.* Образ человека в языковой картине мира (по данным региональной антропонимии) [Текст] / И. А. Кюршунова // Ономастика в кругу гуманитарных наук : материалы междунар. науч. конф., Екатеринбург, 20—23 сент. 2005 г. / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. — Екатеринбург, 2005. — С. 198—200.
 34. *Кюршунова, И. А.* Отношения прибалтийско-финских и саамских личных имен к славянским в антропонимии Карелии XV—XVII вв. [Текст] / И. А. Кюршунова // Научное наследие академика Ф. Ф. Фортунатова и современное языкознание (к 90-летию со дня смерти) : сб. докл. Междунар. науч.-практ. конф., 13—14 сент. 2004 г. / [редкол.: З. К. Тарланов (отв. ред.) и др.]. — Петрозаводск, 2004. — С. 180—189.
 35. *Кюршунова, И. А.* Ономастическая лексикография и особенности региональных ономастических систем [Текст] / И. А. Кюршунова // Слово. Словарь. Словесность : материалы науч. конф., посвящ. 80-летию проф. С. Г. Ильенко, Санкт-Петербург, 12—14 нояб. 2003 г. — Санкт-Петербург, 2004. — С. 287—292.
 36. *Кюршунова, И. А.* Идеальный человек (по данным исторической региональной антропонимии) [Текст] / И. А. Кюршунова // Русский язык: истор. судьбы и современность: II Междунар. конгресс исследователей рус. яз., Москва, 18—21 марта 2004 г. : тр. и материалы / сост.: М. Л. Ремнева, О. В. Дедова, А. А. Поликарпов; МГУ им. М. В. Ломоносова, филол. фак. — Москва, 2004. — С. 122—123.
 37. *Кюршунова, И. А.* Антропонимы-регионализмы [Текст] / И. А. Кюршунова // Проблемы современной русской диалектологии : тез. докл. междунар. конф., 23—25 марта 2004 г. — Москва, 2004. — С. 89—91.
 38. *Кюршунова, И. А.* Антропонимия Кексгольмского лена [Текст] / И. А. Кюршунова // История русского слова: ономастика и спец. лексика Сев. Руси : межвуз. сб. науч. работ / М-во образования Рос. Федерации, Волог. гос. пед. ун-т; [редкол.: С. Н. Смольников (отв. ред.) и др.]; Волог. гос. пед. ун-т — Вологда, 2004. — Вып. 2. — С. 92—116.
 39. *Кюршунова, И. А.* Антропонимия Карелии донационального периода как источник изучения духовного мира человека прошлого [Текст] / И. А. Кюршунова // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера : материалы IV Междунар. науч. конф. «Рябининские чтения 2003» / Гос. ист.-архитектур. и этногр. музей-заповедник «Киж»; [редкол.: Т. Г. Иванова (отв. ред.) и др.]. — Петрозаводск, 2003. — С. 311—313.
 40. *Кюршунова, И. А.* Описание словаря некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV—XVII веков [Текст] / И. А. Кюршунова // История русского слова: ономастика и спец. лексика Сев. Руси : межвуз. сб. науч. работ / М-во образования Рос. Федерации, Вологод. гос. пед. ун-т; [редкол.: Ю. И. Чайкина (отв. ред.) и др.]. — Вологда, 2002. — С. 80—98.

41. *Кюршунова, И. А.* Именования жителей Карелии в XV—XVII веках: диалектный характер основ [Текст] / И. А. Кюршунова // Русская культура на рубеже веков: рус. поселение как социокультур. феномен : сб. ст. / Волог. гос. пед. ун-т [и др.]; [гл. ред. Г. В. Судаков]. — Вологда, 2002. — С. 237—244.
42. *Кюршунова, И. А.* Экспрессивные названия лица в донациональный период (по данным антропонимии Карелии XV—XVII вв.) [Текст] / И. А. Кюршунова // Переходные явления в области лексики и фразеологии русского и других славянских языков: вторые Жук. чтения : материалы Междунар. науч. симп., 21—23 мая 2001 г. / отв. ред. В. И. Макаров; НовГУ им. Ярослава Мудрого. — Великий Новгород, 2001. — С. 159—162.
43. *Кюршунова, И. А.* Духовный мир предков (по данным антропонимии Карелии XV—XVII вв.) [Текст] / И. А. Кюршунова // Русская историческая филология: проблемы и перспективы : докл. Всерос. науч. конф. памяти Н. А. Мещерского, Петрозаводск, 18—20 окт. 2000 г. : сб. / КГПУ; отв. ред. Л. В. Савельева. — Петрозаводск, 2001. — С. 258—265.
44. *Кюршунова, И. А.* Антропонимия Карелии XV—XVII вв. как источник изучения лексико-семантической системы донационального периода [Текст] / И. А. Кюршунова // В. И. Даль и русская региональная лексикология и лексикография : материалы всерос. науч. конф., посвящ. 200-летию со дня рождения В. И. Даля, Ярославль, 31 окт. — 2 нояб. 2001 г. / ЯГПУ; [отв. ред. Т. К. Ховрина]. — Ярославль, 2001. — С. 136—139.
45. *Кюршунова, И. А.* «Свое» и «чужое» в антропонимической системе XV—XVII вв. [Текст] / И. А. Кюршунова // «Свое» и «чужое» в культуре народов Европейского Севера : материалы 3-й междунар. науч. конф. / отв. ред. В. М. Пивов. — Петрозаводск, 2001. — С. 118—121.
46. *Кюршунова, И. А.* Некоторые наблюдения над современными прозвищами и их сопоставление с данными памятников письменности Карелии XV—XVII вв. [Текст] / И. А. Кюршунова // Севернорусские говоры : межвуз. сб. / ЛГУ им. А. А. Жданова; отв. ред. А. С. Герд. — Ленинград, 1999. — Вып. 7. — С. 62—71.

Базы данных

47. *Кюршунова И. А., Черняков О. В.* Историческая антропонимия Карелии по документам XVI—XVII вв. (по материалам Олонецкого погоста): Свидетельство о государственной регистрации № 2016621492, заявка № 2015621326, дата государственной регистрации в Реестре баз данных 08 ноября 2016 г.
48. *Кюршунова И. А., Черняков О. В.* Электронный «Региональный ономастический словарь “Карелия в XV—XVII вв.”»: Свидетельство о государственной регистрации № 2015621762, заявка № 2015621321, дата государственной регистрации в Реестре баз данных 10 декабря 2015 г.

Подписано в печать 01.06.2017. Формат 60×84 1/16.
Бумага офсетная. 2 уч.-изд. л. Тираж 150 экз. Изд. № 102

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Петрозаводский государственный университет»

Отпечатано в типографии Издательства ПетрГУ
185910, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33